

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра

«Педагогика и психология»

(наименование)

37.04.01 Психология

(код и наименование направления подготовки)

Психология здоровья

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему Изучение представлений о будущем материнстве у современных девочек-подростков

Обучающийся

М.В. Леонова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный

руководитель

канд. психол. наук., доцент Э.Ф. Николаева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретический обзор проблемы представлений о материнстве у современных девочек подростков.....	9
1.1 Проблема материнства в различных научных дисциплинах и подходах психологии.....	9
1.2 Психологические особенности современных подростков.....	16
1.3 Факторы и условия, влияющие на представление о материнстве у современных девочек-подростков.....	20
Глава 2 Эмпирическое исследование представлений о будущем материнстве у современных девочек-подростков.....	41
2.1 Организация и методы исследования.....	41
2.2 Выявление представлений о материнстве у современных девочек-подростков.....	52
2.3 Анализ и интерпретация полученных результатов.....	64
Заключение.....	79
Список используемой литературы и используемых источников.....	83
Приложение А Согласие родителей на участие в исследовании.....	89
Приложение Б План структурированной беседы.....	90

Введение

Актуальность исследования основывается на необходимости изучения представлений о материнстве у подрастающего поколения. Современная демографическая ситуация в РФ, как и во многих странах мира, является кризисной. В последние годы прослеживается высочайший интерес к этой проблеме, как со стороны социальной политики, экономической и образовательной политики. Не смотря на широкую государственную поддержку рождаемость находится на низком уровне: сократилось количество многопоколенных семей, увеличивается количество одиноких матерей и одиноких родителей, распространяется тенденция бездетности чайлдфри (childfree) и пр. Идет процесс разрушения трансгенерационных связей и теряются традиции материнства. Если раньше к роли матери девочек готовили с детства, а при рождении детей помогала справляться вся большая межпоколенная семья, то теперь молодая неопытная мать часто остается один на один с ребенком, испытывая дефицит общения и эмоциональной поддержки.

Это отражается на стиле воспитания, типе привязанности и материнских установках как самой матери, так и на отношении в будущем к материнству дочери. На это обращают внимание такие исследователи как К.Х. Бриш, Дж. Боулби, Г.Г. Филиппова, И.Н. Малькова и другие.

Кроме этого, контент, с которым сталкиваются девочки-подростки и их родители, часто пропитан «современными идеями» свободы смены пола, жизнь в свое удовольствие без рождения детей или чайлдфри, суррогатное материнство. Через призму этих идей материнство представляется не привлекательным и обременительным. На первый план выходят индивидуалистические ценности: личная свобода и независимость, хорошая физическая форма, достаток и карьерный рост. Об этом пишут Е.В. Безносюк, М.Л. Князева, А. Шадрина, А.В. Швецова, Ю.Е. Скоромная.

Междисциплинарный взгляд на феномен материнства можно найти в работах Г.Г. Филипповой, Е.Г. Гуменюк, Е.В. Безносюк, М.Л. Князевой,

которые эту проблему связывают с не менее важной проблемой современности – проблемой родительства, в целом.

Материнство как психический феномен и часть внутреннего мира женщины представлен в работах Д.В. Винникот, Г.Г. Филипповой, С.Ю. Мещеряковой, И.Н. Мальковой, Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой.

Подробное описание проблем представления о материнстве и отношения к нему, а также связь этих двух понятий описаны в работах В.Н. Мясищева, Б.С. Алишева, И.Н. Мальковой, М.В. Жуйковой.

Особенности подросткового возраста и его влияние на формирование представлений о взаимоотношении с противоположным полом и будущем материнстве описаны в трудах Ю.В. Щербатых, Б.С. Алишева, В.Н. Мясищева, Н.Е. Харламенковой, Е.В. Кумыковой, А.К. Рубченко.

Анализу факторов и условий, влияющих на представление о материнстве посвящены работы К.Г. Юнга, Дж. Боулби, К.Х. Бриш, Д.В. Винникот, Г.Г. Филипповой, В.В. Козлова, Н.П. Фетискина, Е.В. Безносюк, М.Л. Князевой, И.Н. Мальковой, Е.Н. Сорокиной, И.А. Захарова, Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд и других.

Анализ научных исследований позволил нам выявить следующие противоречия:

– несмотря на изученность проблем подросткового возраста и феномена материнства мало информации о том, как именно происходит процесс формирования представления о материнстве в данном возрастном периоде;

– также нами не было встречено исследований на тему комплексного подхода к описанию факторов и условий, влияющих на представление о материнстве у девочек-подростков;

– недостаточно исследований и основанных на них рекомендаций на тему комплексной оценки степени влияния разных факторов и условий на представление о материнстве у девочек в подростковом возрасте.

Для решения данных противоречий была сформулирована проблема исследования: выявление позитивного или негативного представления о

материнстве у девочек-подростков, а также теоретическое исследование и практическая проверка факторов и условий, влияющих на формирование данного психического феномена.

Объект исследования – материнство, как часть личной сферы девочек-подростков.

Предмет исследования – изучение представлений о будущем материнстве у современных девочек-подростков.

Цель исследования: выявить представления о материнстве у девочек-подростков 12-15 лет.

Гипотеза исследования: мы предположили, что личная история девочки-подростка, ее отношения с мамой могут играть значительную роль при формировании представления о будущем материнстве, а влияние модных тенденций (чайлдфри, суррогатное материнство, свобода смены пола), через средства массовой информации, не столь значительно.

Задачи исследования:

- проанализировать научно-психологическую литературу по проблеме;
- выявить представления о материнстве у современных девочек-подростков;
- проанализировать выявленные представления о будущем материнстве и описать условия, повлиявшие на эти представления;
- разработать методические рекомендации по работе с девочками-подростками по проблемам будущего материнства и его роли.

Методологическую основу исследования составили:

- концепция личности как системы отношений В.Н. Мясищева;
- концепция архетипов личности К. Юнга;
- теория семейных систем М. Боуэна;
- теория привязанности К.Х. Бриша;
- трансгенерационный подход Б. Хеллингера;

– психологические концепции материнства Д.В. Винникотт, Г.Г. Филипповой, С. Мещеряковой, Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой; М.С. Малер.

Методы и методики исследования:

- метод теоретического анализа литературы;
- эмпирические методы (структурированная беседа);
- психодиагностические методы (метод незаконченных предложений Сакс-Леви, полоролевой опросник Сары Бем BSRI, методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, опросник «Подростки о родителях ПОР/ADOR»);
- метода количественного и качественного анализа.

Экспериментальная база исследования. Для решения диагностических задач были сформированы 2 группы девочек-подростков 12-15 лет: сельская и городская. Каждая группа включала в себя 15 человек. Формирование групп проходило на добровольной основе.

Занятия с городской группой девочек-подростков проходило на базе «Центра по работе с подростками» объединения культурных центров Северо-Восточного административного округа г. Москвы. Сельская группа занималась в «Центре по работе с подростками» на базе муниципального бюджетного учреждения культуры в с. Усть-Кишерть, Пермского края.

Научная новизна исследования будет заключаться в получении новых данных о факторах и условиях влияния на формирование представлений о материнстве у девочек-подростков сельской и городской группах. А также в подборе эффективных методов исследования представлений о материнстве.

Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном описании факторов и условий, оказывающих влияние на формирование позитивного или негативного представления о материнстве в раннем подростковом возрасте.

Практическая значимость исследования заключается в разработке плана эффективной структурированной беседы для выявления представления о

материнстве в раннем подростковом возрасте, а также в подборе эффективных методов для диагностики данного феномена и разработке рекомендаций для создания специальных обучающих и терапевтических программ.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивалась базированием исследования на концептуальных научных положениях психологии материнства; соответствием методик исследования возрасту респонденток, уровню их самосознания и интересам, а также комплексностью методов исследования. Также важным было соответствие результатов исследования предмету, целям, задачам исследования.

Личное участие автора в организации и проведении исследования состоит в выявлении теоретического и практического состояния проблемы, построении методологической основы исследования, подборе диагностических методик и в разработке плана структурированной беседы, как авторского диагностического метода. А также в выявлении представлений о материнстве у респонденток, соотнесение результатов всех используемых методик с данными о позитивном или негативном представлении о материнстве и в интерпретации полученных результатов.

Апробация и внедрение результатов работы велись в течение всего исследования. Результаты докладывались на научно-практической конференции «Студенческие дни науки в ТГУ» в апреле 2024 г. Доклад отмечен дипломом II степени. А также результаты публиковались в статье «Факторы, влияющие на отношение к материнству современных девочек-подростков» в научном журнале «Молодой ученый» № 5 (504) февраль 2024.

На защиту выносятся:

– при анализе научной литературы было выявлено, что представления о материнстве у девочек-подростков 12-14 лет имеют различный характер. Это связано с различием их семейной ситуации, условий воспитания и отношениями с родителями;

– негативные представления о материнстве связаны с недостаточно близкими отношениями с матерью и другими условиями воспитания и общественного влияния;

– влияние различных условий и факторов на представления о материнстве у девочек-подростков не равноценно. Можно выделить условия и факторы, оказывающие значительное и не значительное влияние;

– имеются различия между сельскими и городскими девочками-подростками 12-14 лет. Особенно сильно это видно при сравнении результатов исследования подростков из многодетных сельских и из однодетных городских семей.

Структура магистерской диссертации состоит из введения, 2 глав, заключения, списка используемой литературы (в количестве 61 источник). Содержание диссертации изложено на 90 страницах. Работа включает 8 таблиц и 20 рисунков.

Глава 1 Теоретический обзор проблемы представлений о материнстве у современных девочек подростков

1.1 Проблема материнства в различных научных дисциплинах и подходах психологии

Как сложный психосоциальный феномен, материнство требует изучения с помощью различных дисциплин, таких наук как: история, культурология, медицина, физиология, биология, социология, педагогика, философия и конечно психология.

Биологический и медицинский аспекты материнства по понятным причинам давно интересовали человечество, особенно это касается беременности и родов И.В. Добрякова, И.П. Лазарева [15], Е.Г. Гуменюк [13]. С медицинской точки зрения материнство начинается с беременности. Е.Г. Гуменюк констатирует: «Беременность наступает в том случае, если зрелая яйцеклетка оплодотворяется зрелым сперматозоидом, способным к оплодотворению» [13, с. 18] И.В. Добрякова и И.П. Лазарева описывают период, наступающий в жизни женщины после родов: «Главным человеком для малыша первые 2-3 года будет, безусловно, мама. На неё и ляжет основная нагрузка. Замена её кем-то другим (а еще хуже – несколькими лицами) плохо сказывается на развитии ребёнка, его личности. Дело в том, что маленькому человеку очень трудно приспособливаться к жизни в огромном, непонятном мире, в котором он оказался, появившись на свет. Новорожденный ничего не может сам, он целиком зависит от заботы окружающих» [15, с. 20].

Исторический взгляд на феномен материнства, как части культуры, меняющейся от эпохи к эпохе, можно найти в работах Е.В. Безносюк, М.Л. Князевой [3], Н. Черняевой [46], Н. Carlbäck [57].

Растет интерес общества к изучению феномена материнства на стыке таких наук как социология, культурология, философия и педагогика и

психология. Это отражено в работах Р.М. Shereshefsky, L.J. Yarrow [61], С. Kelly [59], Е.Н. Сорокиной [33, 34], И.Н. Мальковой [24].

Об особенностях психологического исследования такого феномена, как материнство Ю.В. Щербатых отзывается так: «Особенность психологии, определяющая ее трудности, – это нематериальность психических явлений, что делает их недоступными для непосредственного изучения. Психику нельзя увидеть, услышать, попробовать на вкус или на ощупь. При ее изучении не помогут ни сверхмощный микроскоп, ни самые чувствительные методы химического анализа. Мы можем исследовать психику лишь косвенно, делая те или иные выводы о психических явлениях только по внешним, материальным признакам их проявлений» [50, с. 10].

Г.Г. Филиппова отмечает: «Актуальность целостного психологического подхода к изучению материнства подкрепляется тем, что несмотря на современные достижения в области медицины, физиологии, гинекологии и акушерства, повышении научного и технического уровня родовспоможения и неонатальных практик, психологические проблемы материнства и раннего детства не уменьшаются» [41, с. 6].

Большая потребность в обществе в психологических консультациях, тренингах, коучинге в детско-родительской сфере включая младенчество и пренатальный период подтверждает актуальность научных исследований в данной сфере.

Понятие материнство включает в себя два аспекта. Г.Г. Филиппова пишет: «Если обобщать все основные направления исследований, то можно обнаружить, что материнство как психосоциальный феномен рассматривается с двух основных позиций: материнство как обеспечение условий для развития ребенка и материнство как часть личностной сферы женщины» [41, с. 6]. Для данного исследования предпочтительна вторая трактовка термина материнство.

В психологии материнская сфера исследуется преимущественно, используя следующие подходы: психоаналитический, культурно-

исторический, архетипический, феноменологический, диадический, психотерапевтический.

Интерес к сфере материнства, как части внутреннего мира женщины, впервые возник в психоанализе. Здесь рассматривается материнская роль в образовании ранних психических структур у ребенка. Эти идеи в своих работах развивали исследователи З. Фрейд, Х. Хорни, Э. Эриксон.

В России первым научным взглядом на проблему материнства стал культурно-исторический подход. В этом подходе основной акцент делается на роли матери и ее способа взаимодействия с ребенком. Представители данного подхода Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Ю. Мещерякова [26]. Мать представляется здесь, как объект привязанности, среда и источник для развития ребенка, а ребенок – субъект, развивающий самосознание, познающий мир. С.Ю. Мещерякова так описывает взаимодействие матери и ребенка в культурно-историческом подходе: «Чем более поведение матери ориентировано на личность ребенка, на сопереживание ему, на желание создать максимально благоприятные условия, чем больше она знает о его потребностях и возможностях, чем более открыто и эмоционально она может выразить свою любовь, тем более благоприятные психологические условия она обеспечит ребенку в первые месяцы и годы его жизни» [26, с. 86].

В архетипическом подходе рассматриваются мифологические аспекты материнства, а именно феномен материнства с точки зрения коллективного бессознательного, установки в отношении роли матери и возможные отклонения. Основоположником направления является К.Г. Юнг [52]-[53]. К архетипическому подходу на мой взгляд можно также отнести набирающее популярность направление сказкотерапии. В своей книге «Миссия – счастлива женщина» Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева пишет: «Фундамент тяжелой «женской доли», судьбы в нашем этническом сознании достаточно прочен. Не оттого ли некоторые женщины, глядя на своих маленьких дочерей, безмятежно играющих на детской площадке, горько вздыхают, предчувствуя их будущее? И говорят своей подруге, у которой тоже дочка, примерно такие

слова: «Смогут ли наши девочки быть счастливыми? Ведь они чаще видят опыт женских переживаний, страданий, тревог... Они видят наши ссоры с мужьями, видят наши слезы, слышат наши крики... Эх, тяжела женская доля в России-матушке!» [18. с. 10].

Долгое время, еще до появления психологии, материнство воспринималось обществом через призму медицинских наук. А именно как генетически обусловленный механизм продолжения рода, общий для человека и животных. Именно на этой общности построена теория привязанности Дж. Боулби [4], идеи которой позднее развил в своих работах К.Х. Бриш [7].

При исследовании младенчества и раннего детства ряд авторов использует диадический подход. Мать и дитя здесь единая диада, связанная глубокими симбиотическими отношениями, своеобразное «психофизиологическое» единство. Мать в этом подходе воспринимается как среда для развития младенца. Данный подход основывается на концепциях Э. Эриксона, М. Малер и других исследователей. Д. Винникотт так описывает мать: «Матери не требуется какое-то особое интеллектуальное понимание своей задачи. Ведь эти знания есть у нее глубоко внутри, поскольку она биологически ориентирована на своего ребенка» [12, с. 198]. Г.Г. Филиппова отмечает узость данного подхода, ограниченность идеи симбиоза и необходимость исследования матери и ребенка, как самостоятельных субъектов [41].

В фокусе феноменологического подхода оказывается в первую очередь сама женщина - мать. Она интересна исследователям, как носитель материнских установок, ожиданий от материнства; переживанием чувств, связанных с ребенком, а также особенностями материнского поведения. Г.Г. Филиппова большое внимание уделяет материнству, как части личной сферы женщины: «Материнство анализируется с точки зрения личностного развития женщины, психологических и физиологических особенностей разных периодов репродуктивного цикла» [41, с. 22]. Внимание уделяется также возрастным кризисам ребенка, в зависимости от них выделяются типы

материнства. Например, Д. Рафаэль-Лефф выделяет типы матерей по восприимчивости и отзывчивости во взаимодействии с ребенком [60].

Психотерапевтическое направление изучает влияние особенностей родительского поведения (неполная семья, шизоидная мать, девиантное материнство, послеродовая депрессия) на психическое развитие ребенка (задержки и нарушения развития, дезадаптация). Вызывают интерес работы, делающие попытки установить трансгенерационную связь в возникающих отклонениях в родительских отношениях в межпоколенных семьях А.А. Шутценбергер [49], Б. Хеллингер [44], М.В. Жуйковой [16].

И.Н. Малькова, например, делает следующие выводы: «Еще один параметр семейной истории аборты в поколении прародителей – имеет устойчивую отрицательную корреляционную связь с наличием у матери грудного вскармливания» [24, с. 152].

М.В. Жуйкова утверждает: «В качестве одной из причины, способствующей возникновению девиантных форм материнского поведения, рассматриваются бессознательные паттерны поведения, связанные, как правило, с травматическим опытом, передаваемым из поколения в поколения по материнской линии» [16, с. 1].

В данной работе будет рассматриваться представление о материнстве, сформировавшееся к подростковому возрасту у девочек.

Ю.В. Щербатых дает следующее определение данного понятия: «Представление – это процесс мысленного воссоздания образов предметов и явлений, которые в данный момент не воздействуют на органы чувств» [50, с. 80]. Оно основывается на прошлом опыте человека и имеет физиологическую основу в виде «следов возбуждений» в коре полушарий головного мозга, появившихся в процессе восприятия объекта.

Представление о таком абстрактном понятии, как материнство является феноменом ментально-когнитивного порядка. Б.С. Алишев так характеризует «ментальные представления»: «Они формируются у личности в процессе длительного и непрерывного социального познания, как продукты

многократной переработки разнообразных сочетаний информации, каждый из элементов которой был получен в разное время, из разных источников и разными способами» [2, с. 142]. Источники информации при формировании представлений о материнстве могут быть следующие: взаимодействие с матерью и другими родственниками, игры и общение со сверстниками, чтение литературы, просмотр фильмов. В конце концов после неоднократной переработки информации формируется нечто целое [2].

Представление о материнстве у девочек-подростков может быть эмоционально окрашено позитивно или негативно. В дальнейшем исследовании девушек, которые позитивно представляют себе материнство мы отнесли к благополучной группе. Тех же, кто имеет скорее негативное представление о материнстве мы отнесли к группе риска. Представление о материнстве позитивное или негативное, является основой отношения к деторождению в будущем у взрослеющих девушек. В этой связи участницы исследования, оказавшиеся в группе риска, могут в будущем негативно относиться к деторождению и собственному материнству.

Необходимо также в этой связи пояснить, как автор работы понимает термин отношение к материнству. Впервые важность такого понятия, как отношения, было сформулировано Ф. Лазурским и модернизировано в теории личности, как системы отношений В.Н. Мясищева. В этой теории автор постулировал: «Личность характеризуется, прежде всего, как система отношений человека к окружающей действительности. В анализе эту систему можно дробить на бесконечное количество отношений личности к различным предметам действительности» [27, с. 23]. Система отношений не статична, она модернизируется под действием различных факторов. В.Н. Мясищев выделяет следующие компоненты в структуре отношений: конативный (поведенческий), эмоциональный и когнитивный (оценочный).

Если говорить об отношении к материнству, то можно понимать его как систему взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов: мотивационно-ценностного, эмоционального, когнитивного и операционного.

Мотивационно-ценностный компонент отношения к материнству включает в себя установки и ранг таких ценностей как любовь, забота о близких, семья в системе координат будущей мамы. Причем этот компонент отношения к материнству формируется достаточно рано, еще до наступления периода деторождения. Мы считаем, что мотивационно-ценностный компонент отношения к материнству может быть изучен уже в подростковом возрасте, как часть представления о материнстве у девочек-подростков.

Эмоциональный компонент представляет собой чувства, возникающие при соприкосновении с данной темой: чувствительность, отзывчивость, эмоциональное принятие или отвержение, признание права малыша на индивидуальность.

Когнитивный компонент может отражаться в представлениях и материнских установках, оценке привлекательности материнской позиции и самой себя в качестве будущей матери и при взаимодействии с маленькими детьми, понимание и объяснение позитивных и негативных сторон материнства.

И.Н. Малькова так характеризует поведенческий компонент: «Поведенческий компонент материнского отношения представляется в выборе стратегии материнского поведения. Стратегии материнского поведения могут варьироваться от доминирования до партнерства, от потакания до автономии» [24, с. 76].

Все компоненты отношения к материнству взаимосвязаны и являются частью системы отношений девушки к миру и основой будущего отношения к ребенку [32], [37].

С выделенными В.Н. Мясищевым компонентами отношения перекликаются 3 блока материнской потребностно-мотивационной сферы обозначенные Г.Г. Филипповой: потребностно-эмоциональный, операциональный и ценностно-смысловой [41]. Можно предположить, что компоненты отношения к материнству, которые удастся обнаружить в подростковом возрасте – это, в первую очередь, ценностно-смысловой блок.

Вот как описывает его Г.Г. Филиппова: «Этот блок включает отношение матери к ребенку как самостоятельной ценности и ценность материнства как состояния «быть матерью». Обе ценности связаны как с потребностями материнской сферы, так и с культурными моделями материнства и детства» [41, с. 132]. Ценностно-смысловой блок лежит в основе представлений о материнстве в подростковом возрасте и в будущем участвует в формировании материнской потребностно-мотивационной сферы.

1.2 Психологические особенности современных подростков

По данным международной организации ООН подростковый возраст имеет возрастные рамки 10-19 лет. Согласно периодизации Д.Б. Эльконина сюда относятся 2 периода: ранний подростковый возраст 10-14 лет и поздний подростковый возраст 15-19 лет [51].

В последние десятилетия подростки «помолодели». Если раньше телесные изменения начинались у девочек в возрасте 12-13 лет, то теперь стартуют уже в 10-11 лет. Происходит скачкообразный рост тела, изменяются пропорции, конечности растут быстрее тела, поэтому фигура кажется неуклюжей и нескладной.

В это же время у девочек появляется повышенное внимание и беспокойство по поводу своего внешнего вида, выражена потребность сравнивать себя с другими. Любые физические особенности, отличающие ее от большинства других девушек в том числе рост и вес воспринимаются болезненно, могут стать причиной само неприятия, застенчивости, неуверенности в себе.

Что касается внутренних органов: сердце увеличивается в два раза, усиливается кровяное давление из-за этого организм обнаруживает большую утомляемость. Б.А. Никитюк так описывает изменения организма в подростковый период: «В подростковый период формируются вторичные половые признаки. У девочек продолжается развитие грудных желез, рост

волос на лобке и в подмышечных впадинах. Наиболее четким показателем полового созревания женского организма является первая менструация (менархе). Она обычно начинается после того, как пройден максимум скорости роста тотальных размеров тела» [28, с. 19].

Мозг достигает оптимальной массы, но продолжает качественное развитие. В коре головного мозга формируются новые ассоциативные связи, формируется белое вещество. Усиленная деятельность щитовидной и половых желез и еще недостаточно сформированное белое вещество мозга повышает возбудимость высших отделов нервной системы. Девочка-подросток легко возбудима и порой груба, а также чувствительна и рассеяна.

Главная психологическая потребность в этом возрасте – это пребывание в коллективе сверстников. Д.Б. Эльконин упоминает, что у индивида развивается сильная потребность в общении со своей возрастной группой, ему хочется стать единым целым с коллективом и ощущать себя отдельной от родителей личностью. Д.Б. Эльконин так описывает это феномен: «Таким образом, есть основания полагать, что ведущей деятельностью в этот период развития является деятельность общения, заключающаяся в построении отношений с товарищами на основе определенных морально-этических норм, которые опосредуют поступки подростков» [51, с. 258].

Происходит психологическое рождение личности, являющееся очередным витком сепарации девочки-подроста в первую очередь от мамы [32, 39, 43, 51]. Н.Е. Харламенкова, Е.В. Кумыкова, А.К. Рубченко так описывают подростковую потребность в сепарации: «В отличие от дошкольников и младших школьников подростки стремятся к явной сепарации от родителей, нередко нарушая конвенциональные нормы» [43, с. 107]. И далее: «Процесс внутренней сепарации в подростковом возрасте достаточно специфичен и определяется рядом факторов: 1) опытом развития ребенка в младенчестве, раннем детстве и в последующие до подросткового возраста периоды; 2) опытом отрочества; 3) наличием/отсутствием перспектив развития в юности и в период ранней взрослости» [43, с. 110].

Латинский корень термина «сепарация» (лат. *separatio*) – отделение. В психоаналитическом подходе это интрапсихический процесс приобретения чувства самостоятельности и независимости. Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд дают следующие советы родителям подростков: «Важно заключать взаимные соглашения с подростками, четко определяющие, что позволительно, а что – нет. Когда дети принимают участие в установке собственных пределов и ограничений, они зачастую могут быть строже, чем родители» [38, с. 467]. И еще: «Умение дать детям возможность ощутить личную власть, внутреннюю защищенность и индивидуальную ответственность является важной воспитательной задачей, решение которой поможет им перейти на независимый и взаимозависимый этапы развития» [38, с. 468].

Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд предлагают говорить о сепарации, как о пожизненном процессе, который развивается по спирали, в результате которой подросток получает возможность двигаться между сближением и отдалением, не испытывая при этом дискомфорта [38]-[39]. Ю.Е. Скоромная рассматривает процесс сепарации как динамичный, «пульсирующий» процесс самоактуализации, котором женщина познает свое я, формирует свое собственное отношение к другим людям. Она обращает внимание на взаимность сепарации в этот период дочери и матери друг от друга [32]. Н.Е. Харламенкова, Е.В. Кумыкова, А.К. Рубченко делают явной связь сепарационного процесса подростка и особенностей взрослого: «Процесс сепарации подростка – сложный процесс, который как бы вбирает в себя потенциал сепарации взрослого человека, т. е. те варианты развития автономности, которые будут характерны на последующих этапах жизненного пути. В какой-то степени эти варианты можно обнаружить в ретроспективной оценке взрослыми людьми (возраст респондентов – от 56 до 69 лет) родительской роли» [43, с. 115].

Т.И. Юферева считает, что в подростковом возрасте завершается самоидентификация с точки зрения пола [54]. У девочек-подростков активизируется потребность привлекать внимание мужского пола, стартует

процесс поиска ответа на вопрос «Какая я в мире отношений с мальчиками?». Взаимоотношения с папой очень важны. В пубертатном периоде он придает устойчивости девочке, позитивно отзываясь о ее внешности.

Н.Е. Харламенкова, Е.В. Кумыкова, А.К. Рубченко описывая влияние отца на девочку-подростка приводят следующие данные: «Исследование, проведенное на выборке девочек 13-17 лет, лишившихся отца вследствие его смерти или развода, выявило у респондентов некоторые отклонения в стратегиях полоролевого поведения. Девочки, у которых отец отсутствовал по причине развода, были склонны к поиску внимания и близости со стороны мужчин, к раннему гетеросексуальному контакту, к открытости и отзывчивости в отношениях. Девочки, потерявшие отца по причине его смерти, наоборот, были пассивны, ригидны в отношениях с мужчинами, избегали контактов с ними. Был сделан вывод о том, что ранняя внешняя сепарация от отцов имеет более серьезные последствия, чем более поздняя сепарация» [43, с. 109].

Как уже описывалось нами в статье: «Девочка-подросток также соприкасается с образом будущей матери, критически вглядывается в него. И утверждает для себя внутренний образец, опираясь на который она сможет создать связь со своим первым ребенком. Мать, являясь образцом для подражания, одновременно представляет собой и мишень для критики» [21, с. 122].

Эти поляризованные точки создают опору для сепарации подростка. Крайние варианты: созависимость, когда мать является необсуждаемым авторитетом и контрзависимость, когда мать воспринимается девочкой как непримиримый противник.

Ю.Е. Скоромная говорит о том, что есть трансгенерационная связь между степенью сепарации матери и ее дочери. Сильная поляризация в зависимых отношениях к подростковому возрасту становится запущенным процессом, который часто отражается в девиантном поведении (алкоголизм, наркомания, академическая неуспеваемость) [8], [32].

1.3 Факторы и условия, влияющие на представление о материнстве у современных девочек-подростков

Представление о материнстве у девочки-подростка – это сложный ментально-когнитивный феномен, формирующийся длительное время из информации, взятой из разных источников. На формирование представления о материнстве оказывают действие множество групп факторов.

Первая группа факторов – коллективное бессознательное. Слово «мать» у всех народов включает в себя представления о начале жизни, доме, семье. Положительный образ матери присутствует у всех народов, во всех культурах. Материнство ассоциируется с плодородием, продолжением существования, часто с культом Матери-Земли [19], [40]. К.Г. Юнг рассказывает об архетипе матери следующим образом: «Этот архетип часто ассоциируется с местами или вещами, которые символизируют плодородие и изобилие: рог изобилия, вспаханное поле, сад» [52 с. 218]. В славянской языковой группе «Мать-земля», «мать-природа» – дают всему жизнь, поддерживают, питают. В.В. Козлов и Н.П. Фетискин пишут: «Богиня-мать – главное женское божество в большинстве мифологий мира. Как правило, она соотносится с землей и – более широко – с женским творческим началом в природе» [19, с. 48].

В то же время, на уровне коллективного бессознательного прослеживается двойственность представлений о матери, как одновременно о «прекрасной» и «ужасной» [20]. В аналитической психологии Юнга на положительном полюсе архетипа Матери находятся мудрость и душевность, доброта и поддержка. Вот как Юнг описывает негативный полюс архетипа: «В негативном плане архетип матери может означать нечто тайное, загадочное, темное: бездну, мир мертвых, всепоглощающее, искушающее и отравляющее, т.е. то, что вселяет ужас и что неизбежно, как судьба» [52, с. 219]. В славянской культуре к негативному полюсу архетипа матери можно отнести блокирование агрессии во время беременности. В.В. Козлов и Н.П. Фетискин

описывают обычаи: «По бытовавшим раньше среди женщин поверьям, ссоры, брань, сквернословие матери во время беременности может стать причиной разного рода психических и физических нарушений у ее ребенка (немоты, заикания, слабоумия, заячьей губы, волчьей пасти и др.). Да и нынешняя медицина советует женщинам избегать любых конфликтов, ссор в период беременности» [19, с. 48].

Двойственность представлений о матери выражается как в представлениях о материнстве у каждой конкретной женщины, так и в противоречивых чувствах, амбивалентном отношении к этой теме – желанием стать матерью и нежеланием сковывать себя обязательствами.

Кроме естественного наполнения коллективного бессознательного в сфере материнства нужно признать также влияние исторических эпох, смены нравственных правил. Е.В. Безносюк и М.Л. Князева так описывают современное состояние общества: «Массовая псевдокультура, развившаяся как уродливое проявление технократической цивилизации, основанной на культе потребления, создает систему ложных ценностей, где почти не остается места здоровому человеку с благополучной семьей» [3, с. 1].

Это позволяет говорить об изменениях рамок нормы и патологии, девиаций в отношении к материнству. То, что считалось нормой в предыдущие века, сейчас может являться отклоняющимся поведением матери и наоборот. Например, это касается телесного наказания детей. Обычная практика для прошлого века – теперь является поводом вызова ювенальной юстиции. Школьник, гуляющий без родителей, был нормой еще 30-40 лет назад, а сейчас родителям или опекунам ребенка, не достигшего 14 лет, оставленного без присмотра, грозит привлечение к уголовной ответственности.

Обратными примерами могут являться такие явления в обществе, как бездетные женщины. А. Шадрина так обосновывает присутствие в обществе старых дев после распада СССР: «Норма раннего материнства поддерживалась и советской медициной, с точки зрения, которой наилучшим

возрастом для деторождения считался промежуток между 18-ю и 28-ю годами. Беременным старше этого возраста врачи иногда предлагали аборт или, по крайней мере, кесарево сечение. Первенцев «в любом случае» рожали еще и потому, что в обществе, в целом, считавшем аборт основным средством контрацепции, поддерживалась сильная риторика неминуемой бездетности в случае прерывания именно первой беременности» [47, с. 304].

«Старые девы» фактически оказывающиеся на задворках общества в прошлом веке, сейчас, являясь деловыми женщинами (business women), часто выступают эталоном успеха. А. Шадрина так пишет о чайлдфри: «Одним из результатов такого разделения стало движение за создание территорий, защищенных от присутствия детей, возникшее в 2000-е годы в США. Сторонницы такого подхода полагают, что родительская обязанность – держать своих отпрысков, приносящих им «частную пользу», подальше от тех мест, где проводят время взрослые люди» [47, с. 105].

Отклоняющееся полоролевое поведение признавалось обществом не нормальным в прошлом и одобряется вплоть до осознанной смены пола сейчас. Планировавшееся внедрение у нас в стране Международной классификации болезней МКБ 11 приостановлено из-за большого количества обращений граждан и общественных организаций, обративших внимание на следующее обстоятельство.

Разделы международной классификации болезней МКБ 11, посвященные интимному здоровью, были изменены. Часть заболеваний перенесли из патологий в условную норму, что противоречит духовно-нравственным ценностям России. Так транссексуализм раньше относился к психическим расстройствам, а теперь как «гендерное несоответствие» входит в отдельную категорию «состояний, относящихся к сексуальному здоровью».

Подводя итог, можно сказать, что понятие девиации и нормы постоянно меняется, и каждому новому поколению приходится сталкиваться с вызовами общества и внутренними конфликтами в отношении нормы материнского

поведения, привитыми в детстве и транслируемыми в данный момент в обществе.

Еще на коллективное бессознательное оказывают попытки влияния государственная политика и идеология. А. Шадрина констатирует: «По уровню рождаемости в начале XX века Россия была одним из мировых лидеров. Причиной тому было отсутствие традиции планирования семьи. Ограничиваться меньшим количеством детей стремились только аристократия и верхи городской буржуазии» [47, с. 99].

С момента появления Советского Союза представления о материнстве, было политизировано и менялось в угоду политическим течениям.

В печатных материалах 1920 годов материнство подавалось как препятствие, которое мешает социальной жизни советских женщин. Государство в то время поощряло женщин прервать беременность или отдать ребенка на воспитание в детский дом [58]. А. Шадрина констатирует: «Согласно марксистской теории, женщины должны были освободиться от кабалы домашней работы и направиться в публичное пространство для созидания светлого завтра. Первоначально планировалось, что государство полностью перехватит семейный труд. Но впоследствии от этого плана пришлось отступить» [47, с. 113]. И еще: «Практической задачей виделось «заставить мать отдать ребенка Советскому государству», то есть передать его или ее на воспитание в государственные учреждения: детские сады, школы, интернаты» [47, с. 115].

В этот период также велась активная пропаганда против фаталистического отношения к детской смертности «бог дал, бог взял», на помощь матерям и наперекор «судьбе» приходил квалифицированный врач [46]. А. Шадрина описывает этот период истории так: «В третьем десятилетии XX века быстро растет число людей, получающих среднее и высшее образование. Распространение знаний увеличивает требования к заботе о детях, траты на каждого ребенка и продолжительность срока их содержания

родителями. В результате снижения детской смертности и роста стоимости заботы быстро сокращается рождаемость» [47, с. 118].

На смену ранним социалистическим идеям приходит послание советским женщинам от государства, что нужно быть не только коммунистками, но и преданными матерями.

Из книги А. Шадринной: «К 1935 году число разводов по сравнению с 1913 годом увеличивается в 68 раз. Появляется идея сохранения семьи «во имя детей». На законодательном уровне в 1936 году вводится запрет на аборт, усложняется процедура развода, многодетные матери награждаются медалью, им гарантируется государственная поддержка» [47, с. 119].

Во времена ВОВ образ матери связывается с понятием долга, самопожертвования [58]. Е.Н. Сорокина пишет: «Метафорически говоря, образ Родины-матери, знакомый советским гражданам по плакату «Родина-мать зовет», призывает не только на военный подвиг, но и на подвиг материнский. Родина-мать требует самоотречения и самопожертвования от каждой советской матери. Это самоотречение выражается не только в том, чтобы «отдать своих сыновей» на героический подвиг, но и в том, чтобы положить свою жизнь на их воспитание» [33, с. 137].

После окончания ВОВ на смену идее «выживания» приходит «полноценное развитие», которое включает в себя материнскую ответственность за развитие ребенка. Постулируется, что именно в этом и есть «счастье материнства» [56]-[57].

С 1970-х появляется идея «эмоциональной заботы» и ответственности матери перед обществом, чреватой появлением вины за детские психологические травмы [59]. XXI век начинается с усиления этого акцента, а также с роста контроля социальных-институтов за благополучием детей.

А. Шадринна пишет: «Современные матери обязываются обладать знаниями в педиатрии, педагогике, менеджменте и психологии, нацеленными на развитие всевозможных способностей у детей. В парадигме

исключительной важности, которой наделяется раннее развитие детей, материнская успешность оценивается достижениями ребенка» [47, с. 76].

Как уже упоминалось нами в публикации: «С начала 90 годов в нашей стране стали активно следовать также западным тенденциям, в том числе в сфере материнства. Новые и по началу казалось, революционные идеи о равенстве сексуальных меньшинств, раннем сексуальном воспитании детей и свободе смены пола, о жизни только для себя чайлдфри и возможности суррогатного материнства - привели к ментальному кризису нового поколения и снижению рождаемости» [21, с. 123].

Ю.Е. Скоромная комментирует ситуацию в современном обществе следующим образом: «Нормативная нестабильность и множественность моделей поведения в современном обществе не способствуют однозначному и линейному формированию внутренней позиции по отношению к семейной жизни и родительству (материнству)» [32, с. 13].

Можно назвать основные тренды написания научных статей в англоязычных странах в 2020-2023 годах на тему материнства: как совместить материнство и карьеру, материнство и цифровые технологии, одинокая и возрастная мать как распространенное общественное явление, вспомогательные репродуктивные технологии. Кроме этого, модной темой английского научного мира является изучение материнства в лесбийских семьях. А.В. Швецова отмечает: «Стоит отметить, что материнство в лесбийских семьях – самостоятельный тренд в англоязычных текстах. Изучение родительства в однополых семьях – пример того, как идеология определяет тренды: если в европейском дискурсе это общественно одобряемая тематика (и научные журналы охотно публикуют соответствующие статьи), то в российском контексте подобное исследование может быть расценено как пропаганда нетрадиционных отношений» [48, с. 109].

Подводя итог, можно сказать, что родители разных поколений, в том числе будущие матери, оказываются каждый раз в новой ситуации, требующей социального развития. То, что было актуально для предыдущего

поколения меняется и следующее поколение должно самостоятельно ориентироваться в новых жизненных условиях, гибко используя опыт предыдущих поколений. Современные девочки-подростки, как будущие матери, уже вошли в контакт с новыми реалиями жизни. Важно, как это отражается на их представлениях о материнстве.

Второй глобальной группой факторов и условий, влияющих на представления о материнстве у девочек-подростков, является семейная история, трансгенерационные процессы.

Согласно теории семейных систем М. Боуэна существует некое совокупное «семейное Я», которое включает эмоциональные процессы в том числе проективные как на уровне одного поколения, так и межпоколенной трансляции поведенческих паттернов в материнской сфере. М. Боуэн констатирует: «Существует тенденция к передаче от поколения к поколению как формы, так и степени семейной уязвимости. Например, в одной семье могут превалировать такие социальные отклонения, как преступность несовершеннолетних или физическое насилие, тогда как в другой семье могут доминировать физические проблемы» [36, с. 365].

Изучая причины неврозов у детей и подростков И.А. Захаров находит взаимосвязь между трансгенерационными процессами в семье и здоровьем ее членов: «Главным патогенным фактором, проходящим "красной нитью" через все поколения, является психотравмирующий опыт межличностных отношений. Основным звеном передачи этого опыта для ребенка является родительская семья. Некоторые из патологических стереотипов отношений в прародительской семье закрепляются в опыте формирования личности будущих супругов и родителей и отражаются в виде тех или иных существующих у них в настоящем семейных установок» [17, с. 9]. Далее автор развивает тему: «Как будет показано далее, родители детей с неврозами не только непроизвольно компенсируют, но и повторяют многие из проблем взаимоотношений в прародительской семье, в том числе непринятие индивидуальности детей, отсутствие понимания их возможностей и

потребностей и т. д. Это объясняется формированием патологических установок и стереотипов отношений, которые действуют как заданные, запрограммированные или даже как внушенные в жизненном опыте. Кроме того, осознание своих ошибок, пусть даже и частичное, происходит в результате попыток родителей понять причины невротического заболевания ребенка уже «post factum» [17, с. 11].

Основоположник трансгенерационного подхода А.А. Шутценберг говорит о том, что каждая женщина – это часть истории семьи и отделенные временем события за счет бессознательного повторения опыта могут оказаться гораздо ближе, чем кажутся. Исследователь поясняет: «Говоря упрощенно, при рождении и даже во чреве ребенок получает определенное количество посланий: ему передают фамилию и имя, ожидание ролей, которые ему придется играть или же избегать. Эти ролевые ожидания могут быть позитивными или негативными» [49, с. 196]. Похожие мысли развивает в своих работах Б. Хеллингер: «Все члены семейной группы связаны друг с другом. Самой сильной является связь между детьми и их родителями, между братьями и сестрами, между мужем и женой. Особенно сильная связь образуется между лицами, вступившими в систему позже, и теми ее членами, которые уступили им свое место, особенно когда судьба уступивших свое место лиц была очень несчастливой» [44, с. 284].

Современные матери девочек-подростков являются в свою очередь дочерьми своих матерей и материнское отношение воспроизводится из поколения в поколение. Э. Уэллдон описывает это так: «Именно поэтому психическая репрезентация превращения в мать – это как минимум процесс, связанный с тремя поколениями: женщина становится своей матерью и матерью своей матери» [40, с. 74].

Как отмечает И.Н. Малькова [24] в своей работе «Семейная история как фактор формирования материнского отношения» существует трансгенерационная связь между такими событиями как аборты, разводы, физическое насилие, алкоголизм у предыдущих поколений и эмоционально-

оценочной и когнитивной составляющими материнского отношения современных и будущих мам. И.Н. Малькова пишет: «Семейная история является фактором формирования материнского отношения. В основе формирования, отклоняющегося от адекватного материнского отношения лежат нарушенные отношения в семье и роду, женщины, транслируемые посредством механизмов интергенерации (на осознаваемом уровне в процессе общения и взаимодействия женщины с собственной матерью) и трансгенерации (на бессознательном уровне, через усвоение женщиной нарушенных отношений в старших поколениях)» [24, с. 12].

Как уже мною говорилось ранее в статье «Факторы, влияющие на отношение к материнству современных девочек-подростков», опубликованной в научном журнале «Молодой ученый» № 5 (504) в феврале 2024: «Суммируя сказанное, можно предположить, что материнство конкретной женщины во многом является определенным сценарием, заложенным прежними поколениями, который уже можно оценить как представление о материнстве в подростковом периоде. Разводы, нарушение эмоциональных связей, физическое насилие, отказы от детей, аборты, сиротство или гибель детей по вине родителей – это те травматичные ситуации, которые оставляют глубокий след в бессознательном и будут влиять на жизнь потомков. Молодое поколение – часто вмещает в себя невыносимые чувства родителей, которые аукаются, когда появляется новое поколение, и женщина становится матерью, в виде депрессий, страхов, патологической вины, элементов девиантного материнства иногда повторяющихся травматических событий родительских поколений или психосоматических заболеваний».

Изучение воздействия второй группы факторов требует больших ресурсов. Можно предложить, что влияние второй группы факторов будет опосредованно видно через историю рождения и воспитания девочки-подростка.

Третьей глобальной группой факторов, влияющей на представление о материнстве у девочек-подростков, являются конечно факторы, связанные с личной историей жизни ребенка.

В культурах многих народов есть и пословицы, и поговорки, что девочка станет хорошей матерью, если станет любить своего будущего ребенка с детства. Решающую роль здесь играют отношения с собственной матерью.

А.В. Филиппова выделяет следующие этапы формирования потребностно-мотивационной материнской сферы:

- взаимодействие с собственной матерью;
 - развитие материнской сферы в игровой деятельности;
 - нянчание;
 - дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер в подростковом возрасте;
 - взаимодействие с собственным ребенком в младенчестве;
- взаимоотношения с ребенком после окончания этапа младенчества» [21, с. 123].

Период беременности, выделяется многими авторами как критический для становления материнства в личной сфере родительницы, но он также важен и для пренатального развития дочери.

Первый этап «взаимодействие с собственной матерью» А.В. Филиппова характеризует следующим образом: «Этот этап начинается с внутриутробного периода развития и продолжается всю жизнь женщины. Наиболее значимым является младенческий и ранний возраст, когда у ребенка сохраняется гештальт младенчества. Этот период жизни сам по себе является сензитивным для формирования базовых основ личности и отношения к миру» [41, с. 138].

Причем одна и та же мама строит разные отношения с разными детьми, так как материнская сфера не является статичной, на нее влияет опыт, полученный с предыдущими детьми, и семейные события.

Изучением роли матери в развитии личности ребенка в младенческий период посвящены работы исследователей психоаналитического направления З. Фрейда, Х. Хорни, Д.В. Винникотт, Дж. Боулби, К.Х. Бриш.

В теории психосексуального развития З. Фрейд описывает фиксацию или «застревание» на определенной фазе развития девочки, что может привести к серьезным последствиям, проявляющимся в жизни женщины.

Теория привязанности – одна из самых популярных. По мнению Дж. Боулби мать, являясь «первичным объектом привязанности», питает базовую потребность ребенка в безопасности: «Таким образом, в той мере, в какой представлены все еще слишком скудные данные, они говорят в пользу гипотезы о том, что прочная уверенность в собственных силах развивается параллельно с доверием к родителю, который обеспечивает ребенка безопасной опорой, отталкиваясь от которой дети могут исследовать» [4, с. 178].

Имплицитный механизм формирования отношения к матери и к материнству, работающий в перинатальный период, определяет в будущем многие бессознательные представления женщины и сформировавшуюся модель привязанности отмечает в своей книге «Терапия нарушений привязанности: от теории к практике» К.Х. Бриш. Он отмечает: «Так, доверие к миру созревает во внутреннем мире ребенка уже в младенчестве, создавая надежный фундамент для его дальнейшего развития как личности» [7, с. 24].

При этом выделяются три типа привязанности: избегающая, тревожно-амбивалентная, надежная или безопасная. И.Н. Малькова отмечает: «Основное значение для формирования привязанности имеет не то, что делает мать для ребенка, а как она его чувствует и осознает» [24, с. 70]. Надежная или безопасная привязанность имеет место, когда ребенок воспринимается матерью как значимый и достойный любви и заботы, а мать – как отзывчивая и доступная. По мнению К.Х. Бриш тип привязанности и ее особенности могут передаваться из поколения: «Существует очевидная и несомненная связь

между прежним опытом эмоциональных связей родителей, их поведением по отношению к грудному ребенку и типом привязанности у детей» [7, с. 61].

Д.В. Винникотт рассматривает мать и ребенка в период раннего детства как единую диадическую систему, способную к взаимному развитию. В фокусе внимания здесь оказывается, как часто младенца держат на руках: «Они имеют достаточно хороший холдинг, что позволяет им очень быстро эмоционально развиваться. Когда ребенка «достаточно хорошо держат», успешно закладываются основы личности» [12, с. 26]. Д.В. Винникотт ввел понятие «достаточно хорошая мать», которое обращает внимание на ошибки, допускаемые матерью во взаимодействии детей. Незначительные ошибки матери, хоть и огорчают ребенка необходимы для развития [11].

Интересен взгляд на материнско-дочерние отношения через призму созависимых отношений, с которыми можно ознакомиться в трудах М.С. Малер [22], Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд [39], Ю.Е. Скоромной [32].

М.С. Малер говорит о двух параллельно идущих процессах у девочки-подростка в процессе роста и развития: «Сепарация и индивидуация представляют собой два комплементарных процесса развития: сепарация включает выход ребенка из симбиотического слияния с матерью (Mahler, 1952), а индивидуация состоит из тех детских достижений, которые убеждают ребенка в наличии у него его собственных индивидуальных характеристик. Это два взаимосвязанных, но не идентичных процесса, они могут протекать с разной скоростью, запаздывая друг относительно друга или опережая один другой» [22, с. 21].

За длинный временной отрезок отношения матери и дочери по мнению Ю.Е. Скоромной проходят четыре фазы развития: созависимость, контрзависимость, независимость и наконец взаимозависимость или партнерские отношения взрослой дочери и пожилой матери [32]. Созависимость как симбиотические отношения длится примерно до 6-месячного возраста ребенка. После этого происходит постепенный переход на стадию контрзависимости или в терминологию М.С. Малер на этап сепарации-

индивидуализации, в норме заканчивающийся кризисом 3 лет [22]. При этом распадается диада «мать-ребенок» и происходит «рождение психологического Я ребенка». Этот процесс характеризуется исследованием границ собственного «Я», достижением психической и физической автономии, способностью выдерживать отношения в триаде, субъективизацией матери и целостным представлением о себе. При наличии травмированности в данном периоде по мнению Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд может сформироваться патологическая эмоциональная зависимость [39]. Это мешает выросшей девочке выносить и контейнировать эмоции собственного ребенка, проходить возрастные кризисы сепарации с ним.

Как уже отмечалось в статье «Факторы, влияющие на отношение к материнству современных девочек-подростков», опубликованной в научном журнале «Молодой ученый» № 5 (504) за февраль 2024: «В зарубежной и отечественной психологической науке даже выделилось самостоятельное направление, исследующее материнско-дочерние отношения. Представители этого направления С. Форвард, Г.Д. Фрейзер «Безразличные матери. Исцеление от ран родительской нелюбви» [42], П. Стрип «Нелюбимая дочь. Как оставить в прошлом травматичные отношения с матерью и начать новую жизнь» [35], Н. Дмитриева «Дочки-матери. Любовь-ненависть» [14].

Современные исследования указывают на более сильную «трансляцию» из поколения в поколение материнского отношения по женской линии. И.Н. Малькова отмечает связь нарушенных эмоциональных отношений между разными поколениями женщин в семье с самопринятием молодой мамы, психологической дистанцией с матерью, тревожностью по поводу беременности и грудного вскармливания. И.Н. Малькова приходит к выводу что материнско-дочерние отношения являются детерминантой формирования материнского отношения дочери к своим детям в будущем» [21, с. 123].

Г.Г. Филиппова отмечает: «Качество материнско-дочерних связей и его влияние на материнскую сферу женщины определяется, помимо привязанности, стилем их эмоционального общения, участием матери в

эмоциональной жизни дочери, причем важным считается изменение такого участия со стороны матери в соответствии с возрастными изменениями эмоциональной сферы дочери» [41, с. 137].

Г.Г. Филиппова, говоря о «качестве материнско-дочерних связей», отмечает их устойчивую передачу от матери к дочери [41].

Как уже ранее говорилось в публикации: «Мы надеемся, что данное исследование поможет пролить свет на степень влияния отношений с матерью, как условия, влияющего на формирование позитивного представления о материнстве.

Второй этап «развитие материнской сферы в игровой деятельности» связан как с материнской фигурой, так и с социализацией ребенка. В истории нашего народа игры девочки в куклы имели особую значимость. Об этом говорит важное «положение» куклы в семье девочки. Наши предки осознавали связь игры в куклы с развитием отношения девочки к материнству. В русских крестьянских семьях куклу специально для дочери шила мать, ее часто передавали из поколения в поколение – от матери к дочери. Дарение куклы – символическая передача девочке роли матери» [21, с. 123].

В сюжетно-ролевых играх в дочки-матери и в семью происходит конкретизация и отыгрывание компонентов материнской сферы. Г.Г. Филиппова отмечает: «По логике развития самой сюжетно-ролевой игры первоначально возникают сюжетно-отобразительные действия (кормление куклы, укачивание), а затем принятие на себя роли матери. Проживание в роли состояний своего персонажа, идентификация с ним, моделирование в игровых ситуациях реальных событий из жизни дает возможность отработки не только мотивационных основ, но и операционального состава материнской сферы» [41, с. 142-144].

Ранее в публикации сообщалось: «Подражая маме, девочка в процессе игры с куклой отражает личные умозаключения, проживает чувства, посетившие ее при взаимодействии с мамой или при наблюдении за

отношениями мать-младенец. Для девочки важна как сама игра в куклы, так и отношение к этому ее матери.

В современном обществе мамы часто не воспринимают игры в куклы, как что-то важное, отдавая предпочтение развивающим занятиям, раннему обучению логике, грамоте, домашнему хозяйству.

Подводя итог, можно сказать, что этап развития материнской сферы в игровой деятельности недооценен в обществе в данный момент и малоизучен, как фактор развития положительного отношения к материнству у девочек.

Третий этап онтогенеза потребностно-мотивационной части материнской сферы – нянченье.

Нянченье – это игра и взаимодействие ребенка и младенца. К сожалению, сейчас из-за сокращения числа многодетных семей и распада больших межпоколенных семей очень немногие дети имеют возможность нянчиться с младшими братьями и сестрами. А ведь это очень значимый этап для развития материнской сферы девочки. Как отмечает Г.Г. Филиппова для будущей женщины-матери очень важен опыт взаимодействия с младенцем в собственном детстве. Через нянченье девочки усваивают и закрепляют навыки общения с младенцем, прежде апробированные в играх с куклой. Живой младенец оказывается гораздо интереснее куклы, он показывает взаимный интерес к девочке, ярко и искренне проявляет эмоции: гулит, улыбается. Это привлекает, умиляет и формирует убеждение в собственной компетентности и успешности во взаимодействии с младенцами. Сенситивным к нянченью возрастом считается период с шести до десяти лет» [21, с. 123].

Г.Г. Филиппова предупреждает: «Если до окончания этапа нянчания опыта взаимодействия с младенцами не было, то часто возникает страх перед ними, так как подростки, а тем более взрослые оценивают имеющийся у них опыт как недостаточный для взаимодействия с маленькими детьми. Наиболее часто возникает страх повредить ребенка неумелым обращением, некомпетентностью в уходе и т.п.» [41, с. 147].

Отсутствие данного этапа полностью или лишь пассивное наблюдение, без игрового взаимодействия, приводит к тому, что первым младенцем, которого повзрослевшая женщина берет на руки становится ее собственный ребенок. Вынужденный контакт с младенцем может вызывать неприятие и раздражение, отсутствие стремления к контакту и прикосновению, неумению получать позитивные эмоции от взаимодействия.

Также смущать и пугать молодую маму может тактильное взаимодействие с ребенком, похожее на впечатления из области половой сферы. Это касается, например грудного вскармливания. Из-за этого возможно ограничение тактильного контакта с младенцем и другие особенности, отмечает Г.Г. Филиппова [41]. Нами не было найдено достаточно исследований на тему как влияет нянченье, на формирование представления о материнстве у девочек-подростков, что подчеркивает важность данной темы.

Четвертым этапом, совпадающим с подростковым возрастом, является этап дифференциации половой и материнской мотивационных основ.

В статье «Молодой ученый» ранее описывалось, что: «В первую очередь эта дифференциация касается тактильного контакта. Имея опыт нянченья и тактильного контакта с младенцем, подросток сталкивается со схожестью ощущений при тактильном контакте с противоположным полом и требуется определенная внутренняя работа по разделению, дифференциации этих двух сфер.

При отсутствии опыта взаимодействия с младенцами в детском возрасте все тактильные ощущения подросткового периода распознаются и классифицируются головным мозгом как часть половой сферы. Это может в будущем при беременности и кормлении грудью вызвать путаницу в ощущениях и внутренний конфликт, разрешением которого часто становится уменьшение физического контакта с младенцем, что конечно же пагубно влияет на него» [21, с. 123].

Кроме того, страхи и опасения взрослых по поводу ранней подростковой беременности девочек часто формируют негативное отношение к продолжению рода, как отмечает Г.Г. Филиппова [41].

Формирование представления о материнстве в подростковом возрасте, как результат прохождения этапа дифференциации половой и материнской сфер слабоизученная тема в научной литературе.

Пятый этап взаимодействия с собственным ребенком в младенчестве, по сути, закладывает новый виток отношения к материнству в семейной истории. Являясь одновременно первым этапом в онтогенезе материнской сферы для младенца и пятым для матери. Этот этап включает принятие решения о сохранении плода, период беременности, роды, младенчество [29]. В период беременности женщина становится социально и физически уязвима, и зависима от помощи мужа, собственной матери, других членов семьи. По мнению исследователей психоаналитического подхода беременность связана с регрессом, своеобразным «возвращением в детство», отождествлением с собственной матерью и с «внутренним младенцем». Д.В. Винникотт так описывает беременную женщину: «Однако, как показывает практика, изменения постепенно происходят не только в организме беременной, и в ее чувствах. Можно ли сказать, что ее интересы постепенно сужаются? Вероятно, правильнее будет сформулировать так: ее интересы смещаются внутрь. Медленно, но уверенно она приходит к осознанию того, что центр мира - в ее собственном теле» [12, с. 14].

После родов начинается стадия налаживания симбиотических диадических отношений с ребенком. К.Х. Бриш пишет об этом: «После родов окситоцин способствует появлению у матери и малыша желания быть рядом друг с другом, а также чувства близости и расслабления, причем как у матери, так и у ребенка» [7, с. 37]. Актуальным становится содержание предыдущих этапов онтогенеза материнской сферы. Младенец становится объектом ухода и нянчения. Чувствительным периодом для развития диадических отношений являются первые двое суток после родов, наполненные в норме непрерывным

контактом с новорожденным, прикладыванием к груди, обеспечением физического комфорта и эмоционального благополучия ребенка. Д.В. Винникотт так описывает первое кормление: «Наиболее волнительные мгновения, если говорить о первом контакте с младенцем, – это кормление, т.е. когда младенец возбужден. Вы тоже можете быть несколько возбуждены, а те ощущения, которые возникают в вашей груди, подсказывают вам, что скоро у вас появится молоко. Можно сказать, что ребенку с самого начала повезло, если он может воспринимать вас и ваше возбуждение как нечто естественное, что дает ему возможность заниматься собственными потребностями и желаниями» [12, с. 17].

Е.Н. Сорокина описывает негативные последствия разлучения матери и младенца сразу после родов: «Изменение эволюционно ожидаемой ситуации для матери заключается в том, что материнские функции выполняются не матерью, а медицинским персоналом, что обедняет стимуляцию, необходимую для возникновения глубокой эмоциональной связи с ребенком. Замещение эволюционно ожидаемых впечатлений в сензитивный период обостренной чувствительности, не соответствующими эволюционной задаче (образованию материнско-детской взаимосвязи); наличие частичного или полного разлучения матери и ребенка отрицательно влияют на развитие материнского чувства женщины-матери и психическое развитие ребенка» [33, с. 94].

Пятый этап включает также фазу совместно-разделенной деятельности и заканчивается кризисом трех лет. Д.В. Винникотт уделяет место описанию совместных игр мамы и ребенка: «Сначала ребенок играет один или с матерью. Другие дети ему пока не нужны как товарищи по игре. В значительной степени именно через игру, в которой другим детям отводятся заранее определенные роли, ребенок соглашается с тем, что эти другие люди также независимы, как и он» [12, с. 148].

Далее следует последний шестой этап взаимоотношения с ребенком после окончания этапа младенчества, который длится всю совместную жизнь

пары мать-дочь. Начинается этап с сепарационного процесса и субъективизации ребенка, возникновения отношения к нему у матери как к отдельной личности. Матери приходится лавировать между самостоятельностью ребенка и его безопасностью. Г.Г. Филиппова так описывает начало шестого этапа: «Функции матери требуют от нее теперь гораздо больше ресурсов и включенности в деятельность ребенка, в первую очередь игровую. Здесь все большее значение приобретает перераспределение материнских функций в семье. Для матери должна быть возможность развивать свой интерес к внутренней субъективной жизни ребенка, без ущемления остальных ее интересов, которые теперь, после окончания грудного кормления и актуализации других задач жизнедеятельности, становятся более явными. Участие матери в играх ребенка и его действиях с предметами дает ей возможность увидеть изменения в его способностях и реакциях на свои результаты» [41, с. 185].

Долгое время сохраняется инфантильная результативность малыша (детские звуки, пластика движений, продукты творчества), которая в норме доставляет удовольствие матери от бытия с ребенком и его успехов.

Участие матери в игре и социальной жизни ребенка, поддержка эмоций успеха влияют на стиль привязанности К.Х. Бриш [5]-[7]. Даже осознавая важность совместной игры, многие современные матери отмечают, что им трудно играть с ребенком, они не получают удовольствия от совместности. Возможно, потому что сами недополучили подобного внимания в детстве или стремятся к результативности процесса развития, которая напрямую не выражена в игре. В этот период при наличии межпоколенной семьи расширяется система объектов привязанности ребенка за счет роста количества родственников-воспитателей, что снижает риски переутомления и выгорания матери.

Успешность материнства в этот период измеряется уровнем эмоционального благополучия ребенка, развитием познавательной мотивации, адаптивности к стрессам [41].

Со взрослением ребенка и прохождением сепарационных кризисов роль матери смещается от материально-физического обеспечения к социальной и культурной адаптации его, как члена конкретного динамично меняющегося общества. Это подталкивает мать к самоактуализации и развитию в течение всей ее жизни. В течение всей жизни матери происходит изменение материнской сферы в соответствии с растущими потребностями ребенка, изменениями окружающего мира и особенностями ее культуры.

Интересно, что даже у бездетных женщин в возрасте около 40 лет проявляется некая рудиментальная «программа», имеющая отношение к материнству. Генеративность – это потребность заботиться о детях, которая в случае бездетности не может быть реализована естественным путем в своей семье.

Подводя итог можно обобщить, что материнство – комплексное абстрактное междисциплинарное понятие, которое в психологии описывается в психоаналитическом, культурно-историческом, архетипическом, феноменологическом, диадическом и психотерапевтическом подходах. Представления о материнстве, как части личностной сферы девочки-подростка, длительно формируются в процессе взаимодействия с матерью, игр и общения со сверстниками, чтения, просмотра фильмов и прочее. Они могут быть позитивными или негативными.

По периодизации Д.Б. Элькониной ранний подростковый возраст 10-14 лет, к которому относятся респондентки, включает в себя телесное созревание девочки-подроста, сепарационные процессы в первую очередь от матери и завершение половой самоидентификации. Частью последних двух психических процессов также является критический пересмотр представлений о материнстве у девочки-подростка.

Условия и факторы, влияющие на представления о материнстве у современных девочек-подростков очень многообразны. Их можно условно разделить на 3 группы: коллективное бессознательное, трансгенерационные процессы в семье девочки-подростка и история ее рождения и развития.

Коллективное бессознательное включает в себя архитипические представления о материнстве, исторические изменения рамок нормы (начиная от легализации аборт и помещения детей в детский дом в начале XX века, заканчивая тотальным контролем ювенильных органов за выполнением родителями обязанностей по обеспечению не только физического, но и эмоционального и ментального благополучия своих детей). А также искажение рамок нормы репродуктивного поведения в современном обществе (чайлдфри, сексуальные меньшинства, возможность смены пола).

Трансгенерационные процессы в семье девочки-подростка описываются с точки зрения наследственной передачи семейного опыта материнства с опорой на труды таких исследователей как М. Боуэн, А.А. Шутценберг, Б. Хеллингер, Э. Уэллдон, И.Н. Малькова.

Личная история рождения и развития девочки-подростка рассматривается по этапам формирования потребностно-мотивационной материнской сферы. Первый этап «Взаимодействие с собственной матерью», в том числе как материнско-дочерние отношения, в данный момент подробно исследован и описан на основе исследований З. Фрейда, Д.В. Винникотт, Дж. Боулби, К.Х. Бриш, М.С. Малер, Г.Г. Филипповой, С. Форвард, Г.Д. Фрейзер, П. Стрип, Н. Дмитриевой. Второй этап «Развитие материнской сферы в игровой деятельности» включает в себя описание игры в дочки-матери, ее истории, важности, функций. Данный этап на наш взгляд недостаточно исследован в современной науке. Третий этап «Нянченье» или игра и взаимодействие младенца и ребенка также мало изучен. Четвертый этап «Дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер» совпадает с подростковыми возрастом и опирается на предыдущий опыт нянченья девочки-подростка. А также одновременно является основой для пятого этапа «Взаимодействие с собственным ребенком в младенчестве» и шестого этапа «Взаимоотношения с ребенком после окончания этапа младенчества», описания которых сделаны на основе исследований Д.В. Винникотт, Г.Г. Филипповой, К.Х. Бриш, Е.Н. Сорокиной.

Глава 2 Эмпирическое исследование представлений о будущем материнстве у современных девочек-подростков

2.1 Организация и методы исследования

Анализ научной литературы позволил нам перейти к эмпирическому исследованию представлений о будущем материнстве у девочек-подростков.

Для решения диагностических задач были сформированы две группы девочек-подростков 12-15 лет: сельская и городская. Исследование городской группы проходило в «Центре по работе с подростками» объединения культурных центров Северо-Восточного административного округа г. Москвы. Сбор диагностических данных в сельской группе проходил в «Центре по работе с подростками» на базе муниципального бюджетного учреждения культуры в с. Усть-Кишерть, Кишертского района, Пермского края. Перед началом общения с девочками-подростками мною было получено персональное согласие родителей на участие детей в исследовании. Образец представлен в Приложении А.

Формирование групп проходило на добровольной основе. Участницы посещали группу в свободное от школьных занятий время и во время каникул. Занятия проводились раз в неделю. Первое занятие было полностью посвящено сбору психодиагностических данных, последующие – проведению социального тренинга. Длительность одного занятия составляла 2 часа. Всего в исследовании приняло участие 30 человек: 15 подростков, проживающих в крупном мегаполисе г. Москве и 15 девочек, проживающих в сельской местности, в селе Усть-Кишерть, Пермского края.

Исследование проходило в 3 этапа. Первый теоретический этап включал в себя анализ отечественных и зарубежных источников литературы, разработку программы исследования в том числе подбор диагностических методов и методик. Все это было выполнено в 2023-2024 годах.

Второй этап – выявление представлений о будущем материнстве в сельской и городской группах девочек-подростков с помощью подобранных

диагностических методов и методик. В марте-мае 2024 года в «Центре по работе с подростками» объединения культурных центров Северо-Восточного административного округа г. Москвы было проведено исследование 15 респонденток городской группы. В июне-декабре 2024 года в «Центре по работе с подростками» на базе муниципального бюджетного учреждения культуры в с. Усть-Кишерть, Кишертского района, Пермского края. было проведено исследование 15 участниц сельской группы.

Третий этап – аналитический, включал в себя анализ и интерпретацию результатов исследования, формулирование выводов и оформление магистерской диссертации.

Данное исследование начиналось с психодиагностической управляемой беседы. Цель беседы: выяснить представления девочек-подростков о материнстве, в том числе эмоциональную окраску: позитивную или негативную данного понятия для каждой участницы исследования. Чтобы отнести респондентку либо к благополучной группе (позитивное представление о материнстве), либо к группе риска (негативное представление о материнстве). Задачи беседы:

- Установления контакта, доверительной атмосферы для сотрудничества и получения достоверной информации.
- Субъективная оценка искренности респондента. Причины неискренности чаще всего: опасение человека показать себя с плохой или смешной стороны; нежелание упоминать о третьих лицах и давать им характеристики; отказ раскрывать интимные стороны жизни; боязнь, что из беседы будут сделаны неблагоприятные выводы; антипатия к собеседнику; непонимание цели беседы.
- Сбор вербальной и невербальной информации по теме с помощью приемов наблюдения, эмпатичного и рефлексивного слушания.

– Сохранение рамок конфиденциальности беседы. Рассказы девочек-подростков могут носить глубоко личный, интимный характер. Если возникает необходимость сообщить о чем-либо из рассказанного ребенком его родителям, следует обязательно получить на это согласие ребенка.

Хочется также отметить нежелательные со стороны психолога реплики в форме: приказа, указания; предупреждения, угрозы; прямого совета, рекомендации; несогласия, осуждения, обвинения; согласия, похвалы; уничижения; брани; успокоения, утешения; допроса. Это нарушает ход мысли респондента и раздражает.

План беседы включает следующие пункты и вопросы:

– планы на будущее, связанные с материнством (Давайте пофантазируем, как вы представляете себя и свою семью в будущем через 20-30 лет?);

– средства массовой информации, как фактор влияния на отношение к материнству (Как вы полагаете, что думают по поводу семьи и детей симпатичные вам знаменитости, участники групп, сообществ и блогов, на которые вы подписаны, авторы видеороликов, статей? Бывало ли так, что вас что-то удивляло, смущало в телевизоре, в печати или в интернете? На какую тему была информация? В жизни или в средствах массовой информации вы встречали что-то отличное от семейных ценностей? Как вы к этому относитесь?);

– смысловое поле понятия материнство для респондента (В чем вы видите смысл материнства? Какие крылатые выражения или устойчивые фразы часто используются в вашей семье на тему детства и материнства? Какой должна быть хорошая мать, перечислите 5 важных качеств);

– семейный опыт материнства, взаимоотношения между поколениями женщин в роду (Если говорить об истории материнства в вашей семье, каковы сильные материнские качества у женщин? Что вы можете выделить как особенности или сложные моменты материнства у женщин в вашей семье? На

сколько баллов по 10-ти бальной шкале вы оцениваете физическую заботу о детях в вашем роду и эмоциональную заботу? Как складываются отношения между разными поколениями женщин в вашей семье? Скорее позитивно или негативно?);

– личная история рождения, младенчества и детства (Что вы знаете о своем рождении и младенчестве? Какие игрушки были вашими любимыми в возрасте от 3 до 6 лет? Как часто и с кем вы играли в куклы? Нянчились ли вы с младшими родственниками? В каком возрасте? С удовольствием?);

– отношение к маленьким детям, младенцам и беременным женщинам (Когда вы видите беременную женщину или с младенцем что вы чувствуете? Если бы вам сегодня предложили побыть няней у младенца на несколько часов, вы бы согласились? Почему? У ребенка 3-х лет? Подберите 5 прилагательных, характеризующих маленьких детей).

Полный план представлен в Приложении Б.

Следующим методом исследования стал опросник «Подростки о родителях ПоР/ADOR». Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына описывают его так: «Методика «Подростки о родителях» (сокращенно – ПоР) изучает установки, поведение и методы воспитания родителей так, как видят их дети в подростковом и юношеском возрасте. В результатах методики проявляется как объективные, то есть действительные отношения и стили воспитания родителей, так и субъективные представления подростков, то есть те образы, которые создают подростки о воспитательной практике родителей. Первичной основой ПоР является опросник CRPBI, который создал E. Schaefer (1965)» [10, с. 5]. Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына продолжают описание: «E. Schaefer (1959) рассматривал принятие, опеку и контроль в качестве основных параметров воспитания. Принятие здесь подразумевает, безусловно, положительное отношение к ребенку, вне зависимости от исходных ожиданий родителей. Непринятие же рассматривается как отрицательное отношение к ребенку, отсутствие к нему любви и уважения, враждебность. Понятие психологического контроля

содержит как определенное давление и преднамеренное руководство детьми, так и степень последовательности в осуществлении воспитательных принципов. По мнению Е. Schaefer поведение родителей можно описать двумя парами важных признаков: принятие – расположение и терпимость – сдерживание» [10, с. 5]. Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына рассказывают, что: «В результате международного научного сотрудничества лаборатории клинической психологии психоневрологического института им. В.М. Бехтерева с Институтом психодиагностики (Братислава, Словакия) нами был осуществлен перевод её словацкой версии (Матейчек З., Ржичан П., 1983) и разработан модифицированный русскоязычный вариант, который, как уже было сказано, был назван «Подростки о родителях» (ПоР)» [10, с. 6]. Эта методика была апробирована на подростках 13-18 лет в России, как это предусмотрено авторами модификации.

Опросник подростки о родителях ПОР/ADOR включает в себя 5 основных шкал: шкала позитивного интереса POZ, шкала директивности DIR, шкала враждебности, шкала враждебности NOS, шкала автономности AUT и шкала непоследовательности NED.

В нашем исследовании используется вариант, рассматривающий отношение дочери-подростка к матери. Согласно описанию Л.И. Вассерман, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромицына шкалы описываются следующим образом: «Шкала позитивного интереса (POZ). Положительное отношение к дочери со стороны матери, основанное на психологическом принятии, описывается подростками-девочками как отношение к маленькому ребенку, который постоянно требует внимания, заботы, помощи, который сам по себе мало, что может. Такие матери часто одобряют обращение за помощью дочерей в случаях ссор или каких-либо затруднений, с одной стороны, и ограничивают их самостоятельность – с другой. Наряду с этим, девочки отмечают фактор потворствования, когда мать находится как бы «на побегушках» и стремится удовлетворить любое желание дочери.

Шкала директивности (DIR). Описывая директивность своих матерей, девочки-подростки отмечали жесткий контроль с их стороны, тенденцию к легкому применению своей власти, основанной на амбициях. При этом мнения дочери матерью, как правило, не принимаются во внимание. Такие матери больше полагаются на строгость наказания, упрямо считая, что они «всегда правы, а дети еще слишком малы, чтобы судить об этом».

Шкала враждебности (HOS). Враждебность матерей их дочерьми подростками описывается как подозрительное отношение к семейной среде и дистанция по отношению к ее членам (в частности, к детям). Подозрительность и отказ от социальных норм приводят их, как правило, к отгороженности и возвышению себя над остальными.

Шкала автономности (AUT). Автономность матерей исключает какую-либо зависимость от ребенка, его состояния, требований. Отрицаются также какие-либо формы заботы и опеки по отношению к дочерям. Такие матери оцениваются подростками как снисходительные, нетребовательные. Они практически не поощряют детей, относительно редко и вяло делают замечания, не обращают внимания на воспитание.

Шкала непоследовательности (NED).

Под непоследовательностью воспитательной практики со стороны матери девочки понимают резкую смену стилей и воспитательных приемов, представляющую собой переход от очень строгого – к либеральному и наоборот, переход от психологического принятия дочери к эмоциональному ее отвержению вне зависимости от того, что та сделала или не сделала» [10, с. 12].

Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына так характеризуют практическое применение опросника: «Опроснику всегда должна предшествовать предварительная беседа с подростками, в результате которой выясняются основные данные о его семье и о его роли и положении в ней. ПоР редко используют в качестве первого, изолированного от других теста. Однако

он имеет огромное значение в комплексе с другими психологическими методиками при психологической диагностике подростков» [10, с. 17].

Перед началом эксперимента подростку сообщают цели и задачи тестирования. Его просят оценить, исходя из собственного жизненного опыта, какие из указанных положений более всего характерны для родителей. Для этого нужно внимательно прочитать каждое утверждение, не пропуская ни одного из них. В нашем исследовании мы взяли лишь оценки девочек-подростков по отношению к матери.

Л.И. Вассерман, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромицына описывают процедуру подсчета баллов: «Затем, по каждому параметру подсчитывается арифметическая сумма сырых баллов (POZ – позитивный интерес, DIR – директивность, NOS – враждебность, AUT – автономность и NED – непоследовательность). Далее сырые баллы переводятся в стандартные. Стандартные баллы располагаются от 1 до 5 и нормой является среднее значение, т.е. 3. Сырые баллы выражают абсолютный минимум и абсолютный максимум, с их помощью можно оценить, насколько выражено влияние того или иного фактора, что играет немаловажную роль в интерпретации результатов. Если по параметру набрано 1-2 балла, то можно говорить, что он слабо выражен, если же 4-5, то измеряемое качество выражено вполне отчетливо» [10, с. 17].

Еще одним методом стал полоролевой опросник С. Бем. Методика была предложена С. Бем в 1974 году. В данный момент методика описана во многих зарубежных и отечественных литературных источниках. Проведено исследование ее валидности и надежности.

Опросник позволяет оценить когнитивную часть такого интегративного явления, как гендерная идентичность. Гендер как представление о себе является важной частью культуры, что отражается в языке (в виде грамматических родов и правил их употребления). Гендерная идентичность включает в себя степень андрогинности, маскулинности и фемининности личности, согласно С. Бем [55].

К типично мужским маскулинным характеристикам можно отнести: независимость, напористость, самостоятельность доминантность, агрессивность, склонность к риску, уверенность в себе, к женским феминным – уступчивость, мягкость, нежность, чувствительность, застенчивость, сердечность, способность к сочувствию.

Каждая личность может обладать и феминными, и маскулинными чертами в одно и тоже время. В современном мире индивид чаще является носителем андрогинных черт личности, то есть как маскулинного, так и фемининного типов.

При формировании гендерной идентичности подросток чаще всего имитирует поведение взрослых своего пола, прежде всего, родителей. Завершение формирования полоролевой идентичности девочек происходит в подростковом возрасте: у девушек обостряется интерес к своей внешности, появляется потребность нравиться. При этом подростковый возраст является особенно чувствительным к различного рода нарушениям в сфере полоролевой идентичности.

Опросник включает 60 утверждений, на каждое испытуемый отвечает «да» или «нет», показывая тем самым наличие или отсутствие данных качеств. Двадцать пунктов из этого списка формируют шкалу мужественности, двадцать - женственности и двадцать – нейтральные.

Пункты отобраны по принципу соответствия гендерным описаниям, существующим в культуре. Респонденты, которые набрали большое количество баллов по шкале мужественности и женственности, определяются как андрогинные. Респонденты, набравшие высокий балл по шкале женственности и низкий по шкале мужественности определяются как фемининные. Если балл по шкале мужественности сильно превышает балл по шкале женственности, респондент считается маскулинным. Термином «недифференцированный» определяются те, кто набрал низкие баллы по шкале мужественности и по шкале женственности.

Следующий метод исследования изучение ценностных ориентаций М. Рокича. Ценностные ориентации – это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров.

М. Рокич определял ценности как устойчивые убеждения, некие цели или подходящий способ существования. Он предполагал, что общее число ценностей у человека достаточно ограничено. Разные персоны обладают идентичными ценностями, но проранжированными в разном порядке. Человеческие убеждения прослеживаются в культуре, во всех социальных феноменах. У каждого отдельного человека ценности организованы в уникальную систему [30], [45].

М. Рокич различает два вида ценностей: «Ценностные ориентации определяют содержание направленности личности, составляют ядро ее мотивации, жизненной концепции и отражают отношение человека к себе, окружающему миру и другим людям. Предлагаемая методика основана на прямом ранжировании списка ценностей. Есть два класса ценностей. Первый класс включает ценности, важные для жизни человека в целом, как бы главные, конечные цели индивидуального существования личности. Вторым классом составляют ценности, предпочитаемые человеком в любой жизненной ситуации. Это деление соответствует традиционному делению ценности – цели и ценности – средства» [30].

При изучении материнства, как части внутреннего мира девочки-подростка, предпочтительно понять ранжирование терминальных ценностей, как некоего видения, плана или намерения для будущей жизни. Многие специалисты считают, что именно от системы ценностей зависят шаги, которые в дальнейшем будут определять жизнь девушки и женщины.

М. Рокич предлагает давать следующую инструкцию к методике: «Вам предлагается два списка ценностей: список А (ценности – цели) и список Б (ценности – средства). Работайте с ними последовательно, не спеша, вдумчиво

и внимательно. Присвойте каждой ценности списка определенный ранговый номер, соответствующий тому значению, которое вы придаете данной ценности в жизни по сравнению с другими. Ранжируя ценности по каждому из списков, вы можете задавать себе вопрос: «В какой степени для меня важна и значима эта ценность, в какой степени я хочу ее реализовать в своей жизни?» [30].

Полученное в результате исследования индивидуальное предпочтение ценностей может быть разделено на три равные группы:

- значимые ценности (ранги с первого по шестой);
- индифферентные, безразличные (ранги с 7 по 12);
- отвергаемые (13-18).

При анализе получившейся индивидуальной иерархии ценностей для данного исследования важно положение в списке таких терминальных ценностей как: любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком), счастливая семейная жизнь, счастье других (благополучие, развитие других людей, народа, человечества в целом).

Также использовалась методика незаконченных предложений Сакс-Леви. Тест был разработан Дж.М. Саксом и С. Леви в 1950 году. (Sacks sentence completion test, SSCT) и является проективной диагностической техникой, вариацией техники словесных ассоциаций. Методика была апробирована Г.Г. Румянцевым в 1969 году. Тестируемому предлагается 60 незаконченных предложений, которые он должен закончить своими словами [31].

Методика позволяет работать с бессознательным и выявлять осознанные и неосознанные установки человека по следующим темам: отношение к себе, матери и отцу, отношение к семейной жизни, к женщинам и мужчинам, к друзьям, отношение к собственным эмоциям (страх, вина), жизненным целям, собственному прошлому и будущему, а также к коллегам, подчиненным и вышестоящим лицам. Отвечая на неоднозначный стимул, респондент сообщает информацию о собственной личности, проецирует себя в свои

ответы. Таким образом личность раскрывает сферы, где отношения нарушены, обозначает внутриличностные и межличностные конфликты.

В данном исследовании в процессе анализа полученного материала целесообразно использовать результаты теста, только по темам: отношение к себе, матери и отцу, отношение к семейной жизни, к женщинам и мужчинам, к друзьям, отношение к собственным эмоциям (страх, вина), жизненным целям, собственному прошлому и будущему.

Тест Сакса-Леви может быть заполнен самостоятельно письменно подростком. При высоком уровне тревоги у испытуемого будет полезнее провести опрос устно и записать ответы. Это дает возможность разрядить напряжение, а также наблюдать за реакцией тестируемого (выражение лица, тон и тембр голоса, поведение). SSCT может применяться индивидуально и в группах. В нашем исследовании часть респондентов заполнили тест самостоятельно в микрогруппах, а часть при индивидуальной работе с психологом.

Перед началом выполнения теста испытуемому дается следующая инструкция: «На бланке теста необходимо закончить предложения одним или несколькими словами, на ваше усмотрение». Методика занимает 20-40 минут.

Обработка теста и интерпретация включает в себя присвоение каждой теме, как системе отношений личности, положительной, отрицательной или безразличной оценки. Для обработки результатов исследования применялись методы математической статистики, качественные и количественные способы обработки полученных результатов, что позволяет видеть разноплановость выборов, сделанных респондентами.

2.2 Выявление представлений о материнстве у современных девочек-подростков

Выявление представления о материнстве проводилось в процессе структурированной беседы, анализ которой целесообразно проводить в соответствии с ее планом:

- планы на будущее, связанные с материнством;
- средства массовой информации (телевидение, интернет, пресса), как фактор влияния на отношение к материнству;
- смысловое поле понятия материнство для респондента;
- семейный опыт материнства ближайших женщин (мать, бабушки, тети). Взаимоотношения между поколениями женщин в роду;
- личная история рождения, младенчества и детства;
- отношение к маленьким детям, младенцам и беременным женщинам.

Полный план беседы представлен в Приложении Б.

В процессе структурированной беседы в пункте «Средства массовой информации» девушкам было предложено письменно и анонимно ответить на листочках на вопросы данного пункта. Вопросы были следующие: «Бывало ли так, что вас что-то удивляло, смущало в телевизоре, в печати или в интернете? На какую тему была информация? В жизни или в средствах массовой информации вы встречали что-то отличное от семейных ценностей?».

Работа показала острую необходимость у подростков в обсуждении и прояснении тревожных ситуаций. Зачастую девочки-подростки, столкнувшись с нестандартной ситуацией склонны обсуждать это со сверстниками и редко со старшими родственниками. Поэтому большинство из них испытывают острую потребность в снятии эмоционального напряжения и формировании адекватного отношения к ситуациям, включению их в осмысленный жизненный опыт.

Также был обнаружен информационный вакуум в отечественной профессиональной среде, как поговорить с подростками о нетрадиционной сексуальной ориентации и чайлдфри. На рисунках 1-2 представлены некоторые из тревожащих девушек ситуаций:

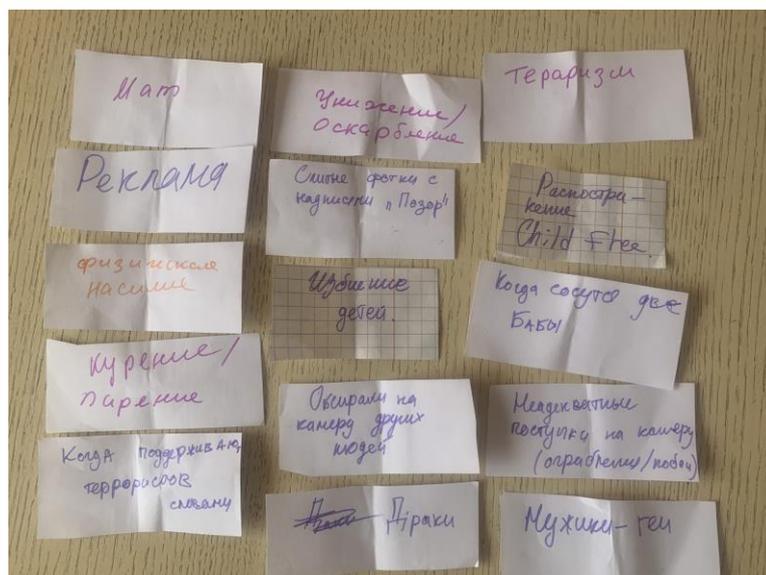

Рисунок 1 – Результаты беседы о средствах массовой информации в городской группе

В городской группе девочки-подростки при ответе на вопрос, что их смущало в средствах массовой информации, назвали следующие явления, отличающиеся от семейных ценностей: «Распространение чайлфри, нетрадиционные сексуальные ориентации, физическое насилие, драки, оскорбление блогерами других людей, снятое на камеру, избиение детей».

Рисунок 2 – Результаты беседы о средствах массовой информации в сельской группе

В сельской группе девочки-подростки при ответе на вопрос, что их смущало в средствах массовой информации, назвали: «Распространение ЛГБТ, изменение внешности с помощью большого количества татуировок или пластических операций, «группа смерти» Синий кит».

При обработке результатов беседы по пункту «Средства массовой информации» (телевидение, интернет, пресса), как фактор влияния на представление о материнстве были получены следующие результаты:

Рисунок 3 – Отношение к нетрадиционным ориентациям в городской группе

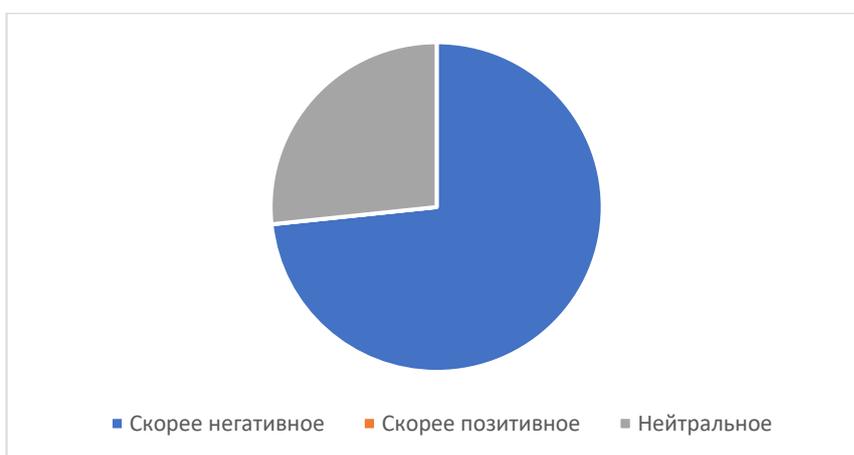

Рисунок 4 – Отношение к нетрадиционным ориентациям в сельской группе

Рисунок 5 – Отношение к childfree в городской группе

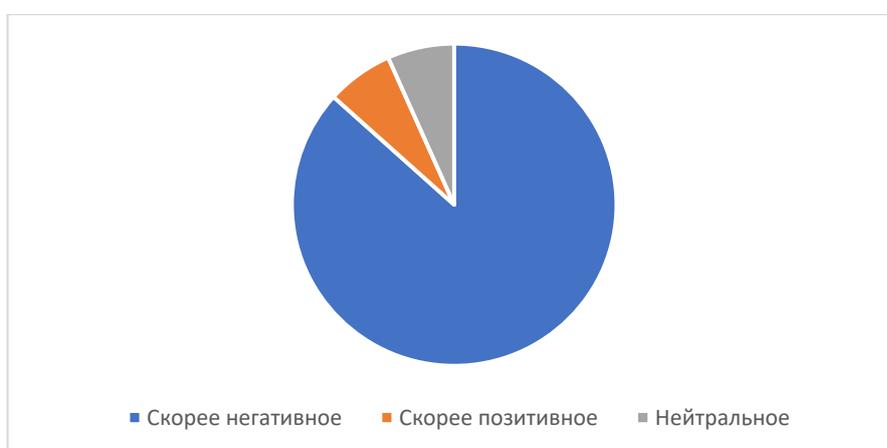

Рисунок 6 – Отношение к childfree в сельской группе

Отношение к идее чайлдфри и нетрадиционным сексуальным ориентациям представлены на рисунках 3-6. Заметно, что среди жительниц с. Усть-Кишерть гораздо меньше тех, кто относится позитивно или нейтрально к идеям чайлдфри и нетрадиционным сексуальным ориентациям. Можно говорить о более консервативных взглядах у девочек-подростков из сельской местности по этому пункту. Это вероятно обусловлено тем, что в городской среде на улицах подростки чаще встречают людей, внешность которых не укладывается в общепринятые рамки. В селе же количество таких людей среди прохожих близко к нулю. Кроме этого, вероятным объяснением данного общественного феномена может быть тот факт, что среди девочек-подростков в сельской местности гораздо больше тех, кто посещает вместе с родителями церковь и относит себя к категории верующих. Связь между

позитивным отношением к идее чайлдфри и негативным представлением о материнстве в виду малого количества данных респонденток, – не обнаружена. Это же можно сказать и о нетрадиционных ориентациях.

При обработке результатов беседы по пункту «Планы на будущее» девочки отвечали на вопрос: «Как вы представляете себя и свою семью в будущем через 20-30 лет?».

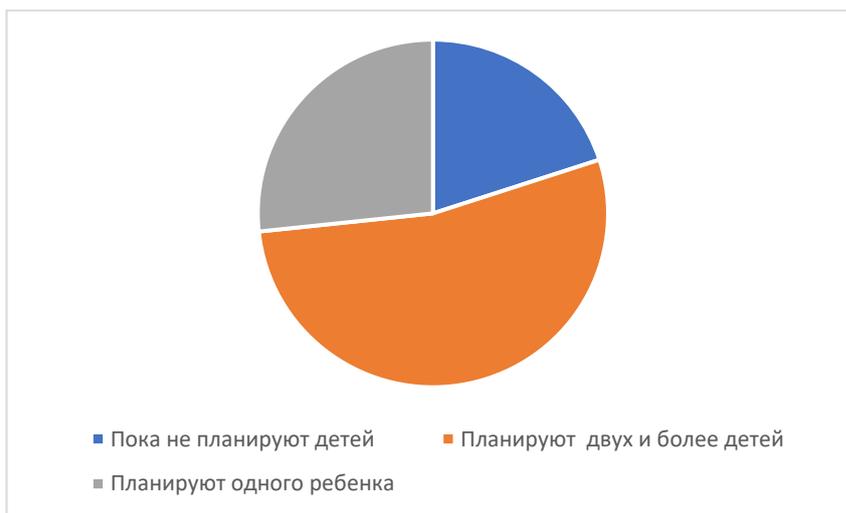

Рисунок 7 – Планы девочек-подростков на будущее в городской группе

Рисунок 8 – Планы девочек-подростков на будущее в сельской группе

Большинство респонденток и в сельской группе, и в городской говорили о своем будущем желаемом семейном положении, что продемонстрировано на рисунках 7-8. В городской группе 60% респонденток хотели бы иметь через 20 лет несколько детей, 10% уверены в том, что им это не нужно. В сельской

группе 70% хотели бы стать родителями нескольких детей через 20 лет, 7% отрицают потребность стать родителями. Кроме этого, в сельской группе 20% респонденток высказали желание иметь больше трех детей, в основном это подростки из многодетных семей.

Можно отметить, что в основном девочки-подростки из городской и сельской местности ориентированы на деторождение в будущем. В сельской местности немного больше процент тех, кто планирует двух и более детей.

Результаты беседы по пункту «Смысловое поле понятия материнство» были следующие. На вопрос «Для чего нужно материнство?» девушки отвечали вдумчиво, делая акцент на продолжении рода, любви к ребенку и выполнении женского предназначения. Это увеличило осмысленность темы для респондентов.

При ответе на вопрос «Какие выражения или фразы используются в семье на тему рождения детей и материнства?» участницы озвучили разнообразные фразы и выражения, характеризующие установки их родителей в отношении материнства.

Качества хорошей мамы, которые были озвучены участницами, отражены на рисунках 9-10

Рисунок 9 – Качества хорошей мамы, названные в городской группе

Рисунок 10 – Качества хорошей мамы, названные в сельской группе

Следующим пунктом в беседе был «Семейный опыт материнства, взаимоотношения между поколениями», результаты представлены на рисунках 11-14.

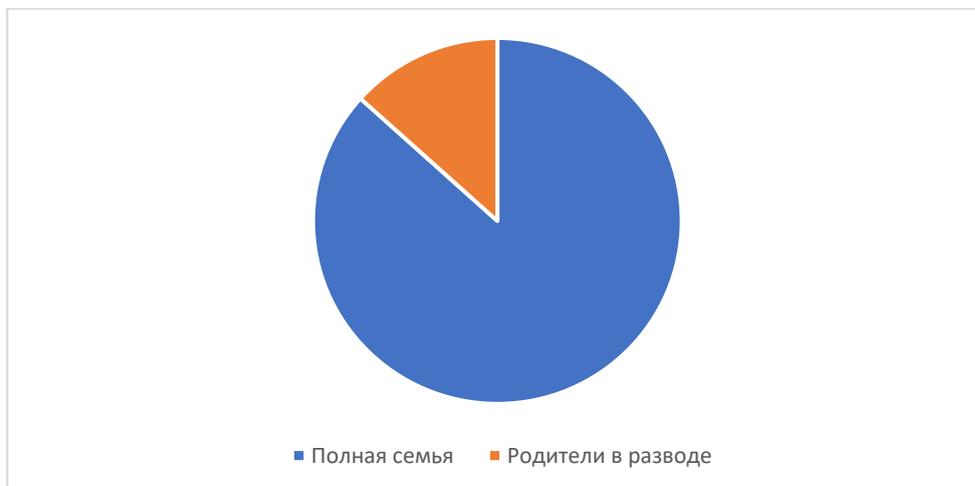

Рисунок 11 – Состав семьи девочек-подростков в городской группе

Рисунок 12 – Состав семьи девочек-подростков в сельской группе

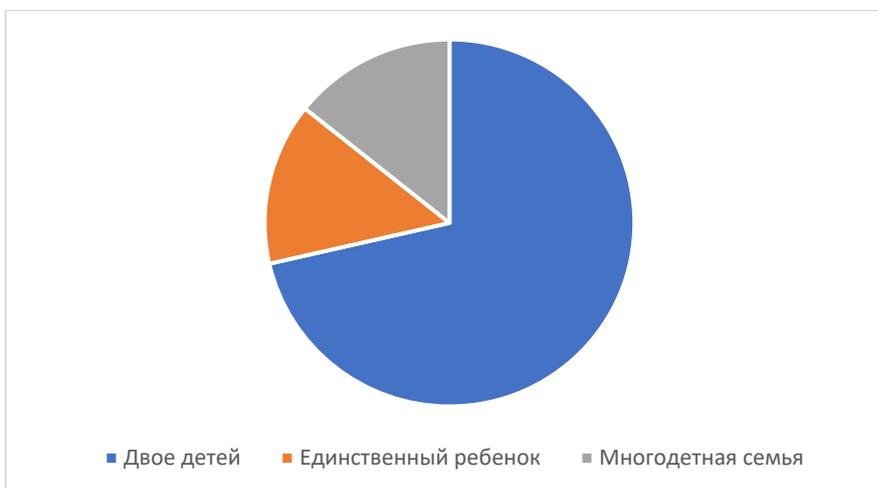

Рисунок 13 – Количество детей в семье в городской группе

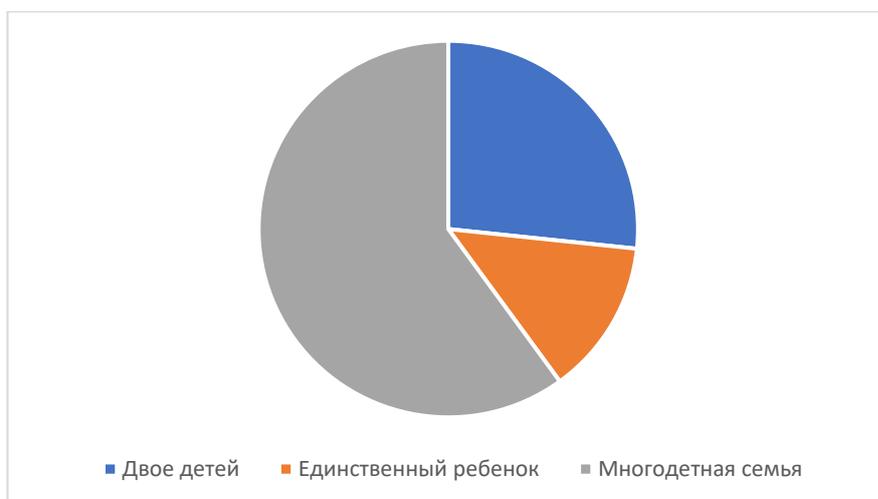

Рисунок 14 – Количество детей в семье в сельской группе

Качественно отличались сельская и городская группы по количеству детей в семье респонденток. Если в городской группе больше 70% респонденток относились к категории «два ребенка в семье», то в сельской группе больше 60% респонденток относились к многодетным семьям (от 3 до 11 детей в семье).

Наблюдалась взаимосвязь, между положением единственного ребенка в своей семье и нежеланием в будущем обременять себя материнством. Так из тех, кто является единственным ребенком в своей семье 30% респонденток заявили, что не планируют становиться матерями в будущем, еще 50% сообщили, что планируют завести только одного ребенка. Большинство же девочек-подростков из многодетных семей заявили, что планируют двух и более детей.

Такой же фактор как «Родители в разводе» не оказал влияния на планы обзавестись в будущем детьми. Девочки с данным пунктом указывали, что планируют двух и более детей, если в семье два и более ребенка в данный момент.

При ответе на вопрос «Каковы сильные материнские качества у женщин в вашей семье?» респондентки часто называли те качества, которые перечисляли выше при ответе на вопрос «Какой должна быть хорошая мать?». Это говорит о высоком уровне лояльности и принятия старших поколений.

При ответе на вопрос «Каковы особенности или сложные моменты в материнстве в вашей семье?» респондентки отметили различные факты: низкий доход, родительский гиперконтроль, уделение мало родительского времени детям, ссоры родителей между собой, неприязнь к родственникам папы или мамы со стороны другого родителя, развод и др.

Вопрос «Как складываются отношения между разными поколениями женщин в роду?» получил следующие результаты.

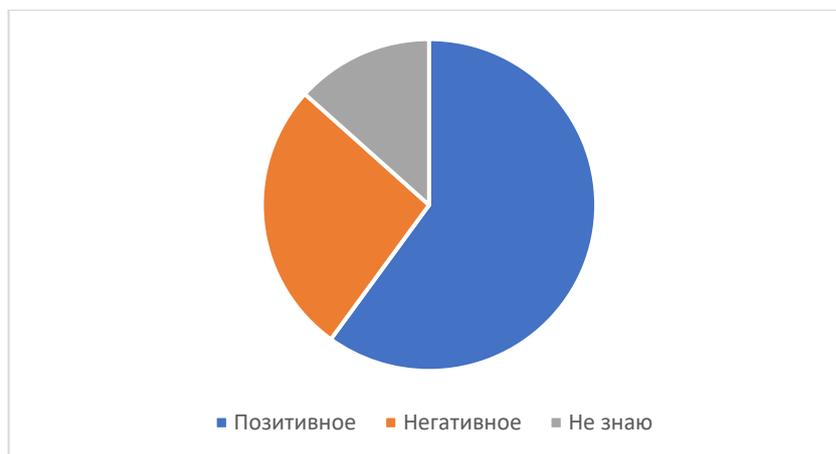

Рисунок 15 – Отношения между поколениями в городской группе

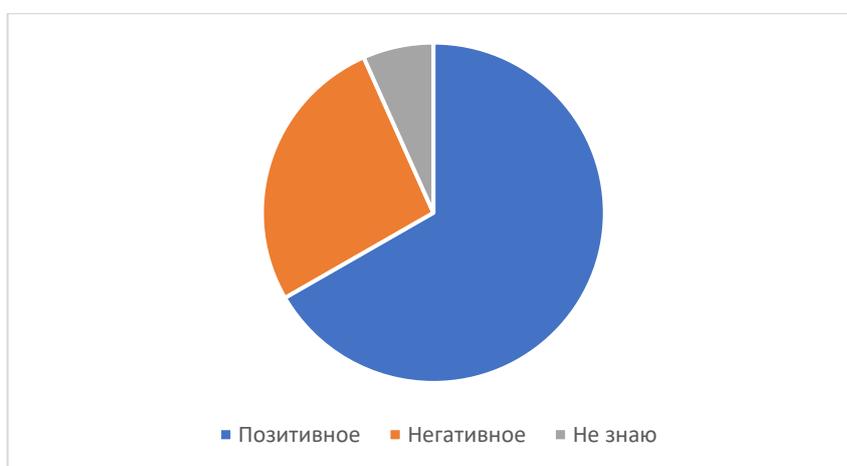

Рисунок 16 – Отношения между поколениями в сельской группе

Связи между негативным отношением между поколениями женщин в семье и не желанием заводить в будущем детей ни в сельской, ни в городской группе не обнаружено. Результаты представлены на рисунке 15-16.

Оценивая физическую заботу о детях большинство девочек-подростков поставили высокую оценку. Оценивая эмоциональную заботу о детях также поставили высокую оценку. Эти показатели не имели существенной разницы в городской и сельской группе.

Следующим пунктом был «История рождения, младенчества и детства». 80% респонденток сообщили, что в младенческом возрасте о них заботилась мать, 20% так же назвали папу, бабушку и др. родственников. 50% сказали, что находились на грудном вскармливании в первый год жизни, 20% были

вскормлены из бутылочки; 30% не знают данной информации. Показатели по данному пункту примерно одинаковы в обеих группах.

При ответе на вопрос «Какие игрушки были вашими любимыми в возрасте от трех до шести лет?» В городской группе около 50% респонденток упомянули кукол среди любимых игрушек. Кроме кукол часто называли мягкие игрушки, 30% респонденток хранят любимые игрушки по настоящее время. В сельской группе 60% упомянули кукол, еще 40% мягкие игрушки.

Можно было бы выдвинуть гипотезу о том, что респондентки не упоминавшие кукол среди любимых игрушек планируют одного ребенка или вообще не хотят детей. Но в виду ограниченности выборки проверить данное утверждение не представляется возможным.

Следующим вопросом был «Нянчились ли вы с младшими родственниками?». Результаты представлены на рисунках 17-18.

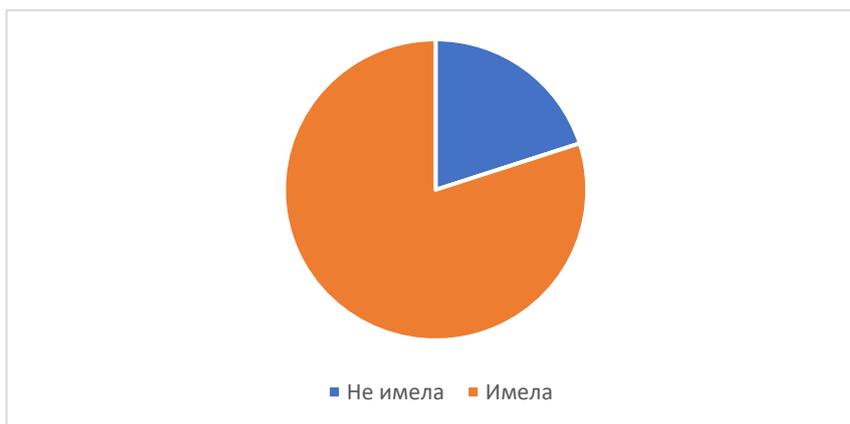

Рисунок 17 – Опыт нянченья в городской группе

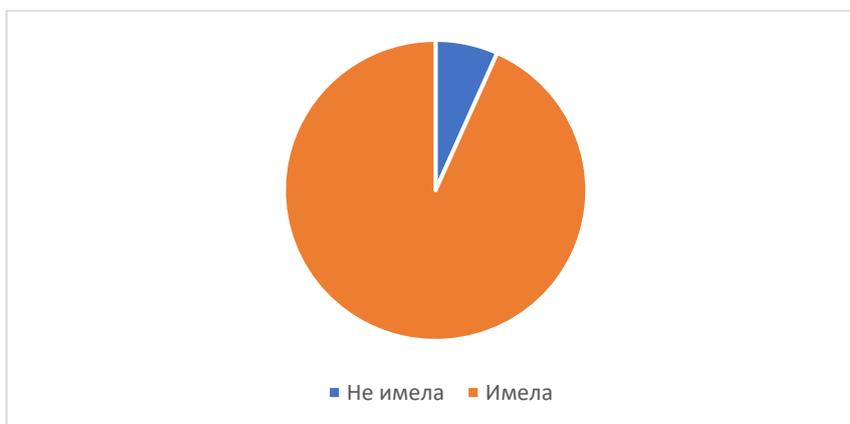

Рисунок 18 – Опыт нянченья в сельской группе

В сельской группе количество респонденток не имеющих опыта нянчения очень мал, по сравнению с городской группой. При отсутствии родных братьев и сестер, сельские девочки-подростки получали опыт нянчения с дальними родственниками, друзьями семьи, соседями. У городских подростков таких возможностей видимо меньше.

И в сельской и в городской группе больше половины респонденток сообщили, что позитивно относятся к нянчению и при необходимости могут побыть няней у малыша, 25% респонденток в городской группе и 15% в сельской группе отметили свое негативное отношения к нянчению.

Наблюдается связь между отношением к нянчению и представлением о материнстве у девочек-подростков. Респондентки, которые негативно относятся к нянчению – имеют негативное представление о материнстве. Что касается отношения респонденток к беременным, то большинство отметило позитивное отношение, 30% – отметили нейтральное.

При ответе на вопрос «Подберите пять прилагательных, характеризующих маленьких детей» и в сельской и в городской группе 70% респонденток назвали позитивные качества (милые, добрые, доверчивые, любят играть, смешные). 35% кроме позитивных назвали также негативные качества (капризные, крикливые, вредные, грязнули, неаккуратные, ревут).

У всех респонденток, которые ранее заявили, что не планируют заводить детей или планируют только одного ребенка присутствовали негативные качества, характеризующие маленьких детей.

Подводя итог можно сказать, что после беседы с девочкой-подростком по плану можно выявить представлении о материнстве и условной готовности к проживанию материнской роли в будущем. По этому признаку всех респонденток можно разделить на две группы: благополучная группа (позитивное представление) и группа риска (негативное представление о материнстве).

Респондентки из группы риска чаще являются единственным ребенком в семье, без опыта нянчения и дают негативные характеристики малышам.

2.3 Анализ и интерпретация полученных результатов

В таблицах 1-2 представлены результаты применения методики изучения ценностных ориентаций М. Рокича в городской и сельской группе подростков.

Таблица 1 Ранжирование терминальных ценностей в городской группе девочек-подростков

Терминальные ценности	Номер респондентки в группе														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Активная деятельная жизнь	5	8	14	8	6	3	5	6	4	4	11	9	7	10	3
Жизненная мудрость	18	15	18	18	14	15	16	16	17	14	15	18	18	16	17
Здоровье	8	7	16	11	10	11	12	17	16	15	16	11	9	8	18
Интересная работа	13	11	15	12	12	10	11	12	7	11	12	16	11	12	11
Красота природы и искусства	6	13	6	16	13	12	6	8	11	9	18	6	6	13	10
Любовь	11	14	5	4	1	5	6	5	13	7	14	4	5	11	6
Материально обеспеченная жизнь	1	17	3	5	2	4	1	3	15	2	4	1	3	5	5
Наличие хороших и верных друзей	7	12	8	7	11	14	3	7	8	10	9	8	8	7	7
Общественное признание	15	16	10	1	7	8	9	14	18	17	8	10	15	15	8
Познание	17	18	11	14	15	17	13	15	10	16	17	12	14	17	9
Продуктивная жизнь	4	5	3	15	16	18	4	18	14	13	6	3	4	4	12
Счастливая семейная жизнь	10	10	12	6	8	9	10	10	9	12	7	13	10	9	13
Развитие, работа над собой	3	9	17	13	17	13	18	11	12	15	13	14	12	6	14
Удовольствия и развлечения	9	1	9	2	5	6	7	1	6	8	2	2	13	1	2
Творчество	16	6	7	10	9	7	8	9	5	1	5	8	1	18	4
Счастье других	12	3	4	17	18	16	17	13	2	18	10	15	16	2	16
Свобода	2	4	1	9	4	1	2	4	1	6	3	5	2	3	1
Уверенность в себе	14	2	13	3	3	2	15	2	3	5	1	17	17	14	15

Таблица 2 Ранжирование терминальных ценностей в сельской группе девочек-подростков

Терминальные ценности	Номер респондентки в группе														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Активная деятельная жизнь	10	12	15	16	16	17	8	9	15	15	14	8	3	14	12
Жизненная мудрость	14	9	13	12	9	10	2	14	17	18	6	6	15	18	13
Здоровье	4	1	14	5	3	2	3	1	13	5	10	5	11	16	14
Интересная работа	16	14	17	14	13	16	6	15	18	3	12	9	10	15	10
Красота природы и искусства	17	13	12	15	14	11	15	11	11	16	15	13	12	6	11
Любовь	3	4	1	7	1	5	17	6	7	2	2	3	5	5	9
Материально обеспеченная жизнь	11	17	16	8	8	6	9	8	3	4	3	2	4	3	8
Наличие хороших и верных друзей	2	8	3	2	11	18	12	7	5	6	5	14	14	8	7
Общественное признание	13	15	6	13	12	7	11	16	12	14	16	11	8	10	18
Познание	18	6	5	10	6	8	14	12	4	9	9	17	17	11	15
Продуктивная жизнь	5	10	18	17	15	15	7	10	9	12	17	16	18	3	16
Счастливая семейная жизнь	1	5	4	1	5	4	18	5	1	1	1	1	9	12	6
Развитие, работа над собой	8	7	11	3	7	1	10	4	2	13	11	7	13	17	5
Удовольствия и развлечения	6	16	10	4	17	12	13	3	6	11	18	10	6	9	4
Творчество	15	11	9	6	10	9	16	13	8	10	13	13	7	7	2
Счастье других	11	18	2	11	18	13	1	18	10	17	8	18	16	4	17
Свобода	7	2	7	18	2	14	4	17	14	8	7	15	1	1	3
Уверенность в себе	9	3	8	9	4	3	5	2	16	7	4	4	2	13	1

При анализе терминальных ценностей у девочек-подростков 12-15 лет в городской группе ценности распределились так: наиболее значимые терминальные ценности: «свобода» (средний ранг по группе 3,3 балла), «материально обеспеченная жизнь» (4,7), «развлечения» (5,1).

Отвергаемые ценности в городской группе, которые большинство поставили в конец списка – «жизненная мудрость» (16,3), «познание» (14,7), «здоровье» (11,9), «интересная работа» (11,8).

При анализе терминальных ценностей в сельской группе ценности распределились так: наиболее значимые терминальные ценности: «счастливая семейная жизнь» (средний ранг по группе 4,9 балла), «любовь» (5,1), «уверенность в себе» (6), «материально обеспеченная жизнь» (7,3).

Отвергаемые ценности в сельской группе, которые большинство поставили в конец списка - «красота природы и искусство» (средний ранг по группе 12,8 баллов), «интересная работа» (12,5), «продуктивная жизнь» (12,5), «счастье других» (12,1).

Ценности, по нашему мнению, имеющие отношение к представлению о материнстве, заняли средние позиции в городской группе: «любовь» (7,5), «счастливая семейная жизнь» (9,6), «счастье других» (11,6). Эти позиции характеризуют эти ценности, как индифферентные или безразличные человеку в данный момент. И достаточно высокие позиции в сельской группе: «счастливая семейная жизнь» (4,9), «любовь» (5,1), «счастье других» (12,1).

Среди девушек, которых мы условно отнесли в группу риска на основе беседы наблюдалась тенденция ставить «любовь» и «счастливая семейная жизнь» в конце списка среди отвергаемых ценностей. Так как общее количество таких девушек недостаточно для полноценных выводов – можно только сделать предположение. Что эти ценности попадают в отвергаемые именно у тех девушек, которые имеют негативное представление о материнстве и попадают в группу риска.

Интересные результаты были получены при применении полоролевого опросника С. Бем.

В таблицах 3-4 представлены результаты применения полоролевого опросника С. Бем в городской и сельской группе подростков.

Таблица 3 Результаты в городской группе девочек-подростков

Номер респондентки в группе	Показатель маскулинности	Показатель феминности	Основной индекс	Тип полоролевой идентификации
1	0,65	0,7	0,46	Андрогинный
2	0,65	0,85	0,12	Андрогинный
3	0,9	0,3	- 1,39	Маскулинный
4	0,65	0,8	0,35	Андрогинный
5	0,6	0,65	0,11	Андрогинный
6	0,35	0,4	0,11	Андрогинный (недифференцированный)
7	0,65	0,9	0,58	Андрогинный
8	0,89	0,45	- 1,02	Маскулинный
9	0,55	0,8	0,58	Андрогинный
10	0,4	0,7	0,2	Андрогинный
11	0,25	0,8	1,27	Феминный
12	0,25	0,75	1,16	Феминный
13	0,7	0,8	0,23	Андрогинный
14	0,2	0,45	0,58	Андрогинный (недифференцированный)
15	0,65	0,9	0,58	Андрогинный

Таблица 4 Результаты в сельской группе девочек-подростков

Номер респондентки в группе	Показатель маскулинности	Показатель феминности	Основной индекс	Тип полоролевой идентификации
1	0,35	0,75	0,92	Андрогинный
2	0,75	0,4	-0,81	Андрогинный
3	0,7	0,9	0,47	Андрогинный
4	0,85	0,85	0	Андрогинный
5	0,5	0,95	1,05	Феминный
6	0,55	0,9	0,81	Андрогинный
7	0,95	0,85	-0,23	Андрогинный
8	0,7	0,9	0,47	Андрогинный
9	0,85	1	0,35	Андрогинный
10	0,4	0,65	0,58	Андрогинный
11	0,65	0,9	0,58	Андрогинный
12	0,65	0,9	0,58	Андрогинный
13	0,65	0,9	0,58	Андрогинный
14	0,7	0,8	0,23	Андрогинный
15	0,35	0,75	0,93	Андрогинный

В городской группе 15% респонденток были отнесены к феминному типу полоролевой самоидентификации, 15% к маскулинному тип, остальные 70% - к андрогинному типу. Результаты представлены на рисунках 1-2.

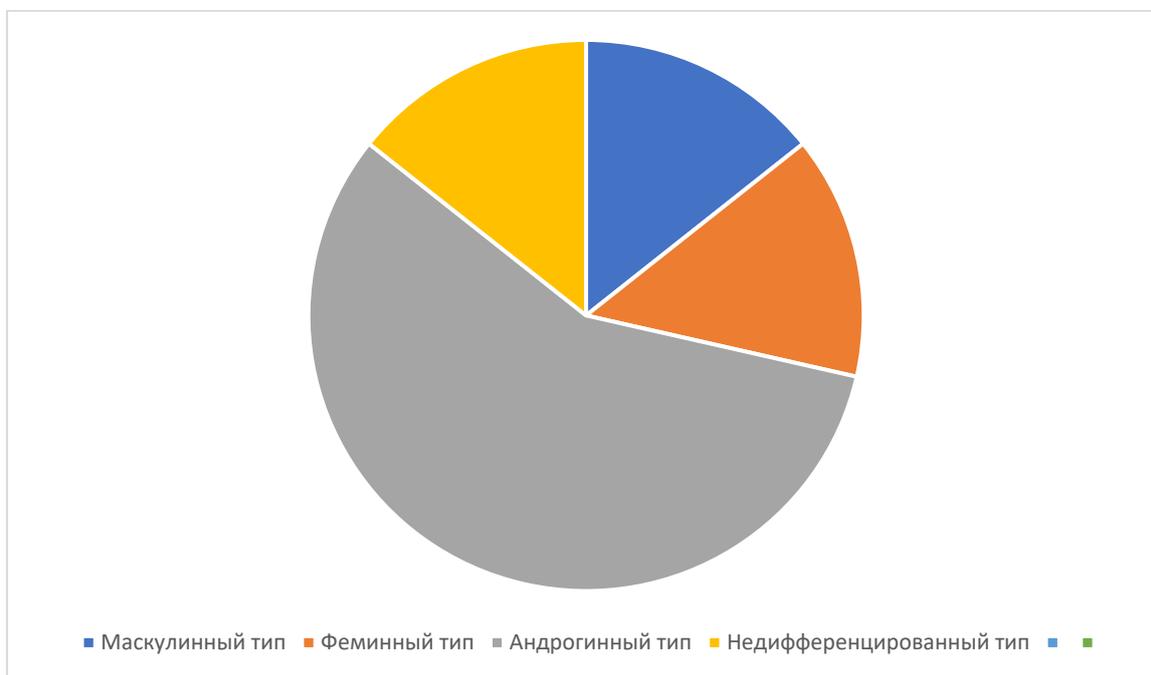

Рисунок 19 – Тип полоролевой идентификации в городской группе

В сельской группе 7% респонденток были отнесены к феминному типу полоролевой самоидентификации, остальные 83% к андрогинному типу. Маскулинный тип в сельской группе не представлен.

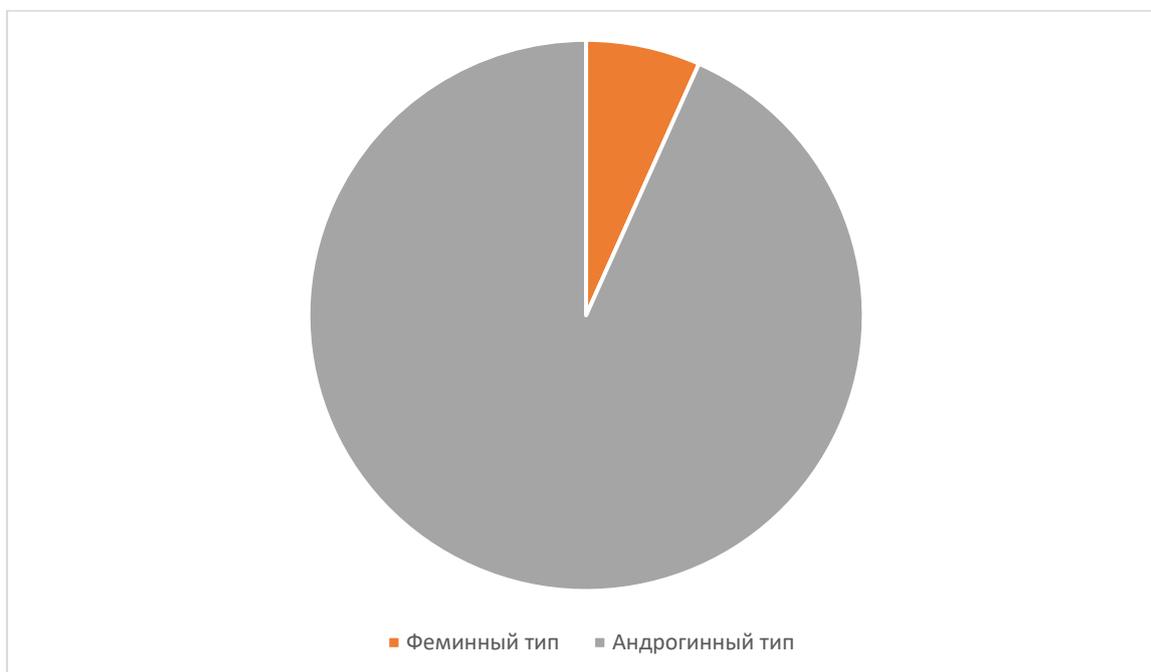

Рисунок 20 – Тип полоролевой идентификации в сельской группе

Ни в городской, ни в сельской группе девочек-подростков не обнаружено явной связи маскулинного типа с негативным представлением о материнстве.

Единственное, что можно утверждать, что все девушки с феминным типом оказались в группе с позитивным представлением о материнстве.

Среди девушек из условной группы риска, с негативным представлением о материнстве, были представительницы андрогинного и маскулинного типов.

При этом среди подростков из благополучной группы встречались представительницы андрогинного, маскулинного и феминного типов.

Наиболее полную информацию удалось получить в результате применения опросника подростки о родителях ПОР/ADOR.

В таблицах 5-6 представлены результаты применения опросника подростки о родителях ПОР/ADOR в городской и сельской группе.

Таблица 5 Результаты в городской группе девочек-подростков

Номер респондентки в группе	POZ Шкала позитивного интереса (сырые баллы) стандартизированные баллы	DiR Шкала директивности (сырые баллы) стандартизированные баллы	HOS Шкала враждебности (сырые баллы) стандартизированные баллы	AUT Шкала автономности (сырые баллы) стандартизированные баллы	NED Шкала непоследовательности (сырые баллы) стандартизированные баллы	POZ/HOS Фактор близости (сырые баллы) стандартизированные баллы	DIR/AUT Фактор критики (сырые баллы) стандартизированные баллы
1	(13) 2	(6)1	(5)3	(11)3	(17)5	(8)2	(-5)2
2	(13)2	(3)1	(0)1	(12)3	(8)3	(13)3	(-9)1
3	(19)4	(7)1	(5)3	(8)2	(13)4	(14)3	(-1)2
4	(1)1	(17)4	(16)5	(3)1	(5)2	(-15)1	(14)5
5	(14)2	(15)4	(11)4	(12)4	(11)4	(3)2	(15)3
6	(15)2	(13)3	(10)4	(11)3	(12)4	(5)2	(2)3
7	(14)2	(9)2	(2)2	(14)4	(0)1	(12)3	(-5)2
8	(19)4	(10)2	(4)3	(6)2	(8)4	(15)4	(4)3
9	(9)2	(17)4	(1)1	(10)3	(14)4	(8)2	(7)2
10	(20)5	(9)2	(6)3	(7)2	(13)4	(14)3	(2)3
11	(10)2	(11)3	(9)4	(15)4	(7)3	(1)2	(-4)2
12	(20)5	(11)3	(6)3	(12)3	(7)3	(14)3	(-1)2
13	(16)3	(16)4	(5)3	(9)2	(18)5	(11)3	(7) 4
14	(17)3	(8)2	(6)3	(13)4	(5)2	(11)3	(-5)2
15	(19)4	(10)2	(4)3	(6)2	(8)3	(15)4	(4)3

Таблица 6 Результаты в сельской группе девочек-подростков

Номер респондентки в группе	POZ Шкала позитивного интереса (сырые баллы) стандартизированные баллы	DiR Шкала директивности (сырые баллы) стандартизированные баллы	HOS Шкала враждебности (сырые баллы) стандартизированные баллы	AUT Шкала автономности (сырые баллы) стандартизированные баллы	NED Шкала непоследовательности (сырые баллы) стандартизированные баллы	POZ/HOS Фактор близости (сырые баллы) стандартизированные баллы	DIR/AUT Фактор критики (сырые баллы) стандартизированные баллы
1	(18) 4	(5)2	(2)2	(15)4	(8)3	(18)4	(5)1
2	(16)3	(5)1	(4)3	(14)4	(12)4	(16)3	(5)1
3	(14)2	(7)1	(0)1	(9)2	(8)3	(14)3	(7)2
4	(20)5	(5)2	(0)1	(16)5	(8)3	(20)5	(5)1
5	(19)4	(7)2	(3)2	(11)3	(8)3	(19)4	(7)2
6	(16)3	(4)1	(2)2	(9)3	(7)3	(16)4	(4)2
7	(11)2	(12)2	(10)4	(7)2	(11)4	(11)2	(12)3
8	(14)3	(8)3	(4)3	(13)4	(8)4	(14)3	(8)3
9	(14)2	(7)1	(0)1	(9)2	(8)3	(14)3	(7)2
10	(19)4	(15)4	(9)4	(11)3	(13)4	(19)3	(15)3
11	(6)1	(14)4	(15)5	(7)2	(13)4	(6)1	(14)4
12	(16)3	(7)2	(1)1	(16)5	(6)3	(16)4	(7)1
13	(15)2	(9)2	(11)4	(11)3	(7)3	(15)2	(9)2
14	(14)3	(7)2	(4)3	(16)5	(14)5	(14)3	(7)2
15	(18)3	(8)2	(1)2	(15)4	(6)2	(18)4	(8)1

Выводы по городской группе следующие. Средний балл в группе по шкале POZ составил 14,6 сырых балла, что соответствует двум стандартизированным баллам и низкому значению параметра позитивное отношение к ребенку.

Средний сырой балл в группе риска по шкале позитивного интереса к ребенку (POZ) составил 11,7 сырых балла, что соответствует двум стандартизированным баллам и низкому значению параметра позитивное отношение к ребенку. В то время как в благополучной группе средний показатель по шкале POZ составил 16,3 сырых балла, что соответствует трем стандартизированным баллам и среднему значению параметра позитивное отношение к ребенку.

Фактор близости, характеризующий степень проявления теплых чувств и принятия своего ребенка, вычисляется как разница параметров POZ и NOS. Среднее значение фактора близости в группе риска составило четыре сырых или два стандартизированных балла, что соответствует низкому уровню данного параметра. Среднее значение фактора близости благополучной группе составило 11,3 сырых балла или три стандартизированных, что соответствует среднему уровню данного параметра.

Фактор критики, характеризующий высокую заинтересованность и тотальный контроль родителя в отношении своего ребенка вычисляется как разница параметров DIR и AUT. Среднее значение фактора критики по городской группе составило 1,7 сырых балла, что соответствует 3 стандартизированным баллам или среднему значению параметра.

Среднее значение в группе риска составило 4,2 сырых балла или 3 стандартизированных, что соответствует среднему уровню данного параметра. Среднее значение фактора критики в благополучной группе составило 0,5 сырых балла или два стандартизированных, что соответствует низкому уровню данного параметра. Это говорит о низком контроле родителей девочек-подростков в благополучной группе, и о более высокой заинтересованности и склонности к контролю у родителей из группы риска.

У девочек-подростков, относящихся к группе риска, один или два параметра по шкалам директивность, враждебность, автономность или непоследовательность были повышены и имели стандартизированный балл четыре или пять. Правда нужно отметить, что в благополучной группе городских девушек также встречались высокие стандартизированные баллы по данным шкалам.

Подводя итог можно сказать, что городские девочки-подростки из группы риска с негативным представлением о материнстве имеют высокие показатели по одной или двум шкалам директивность, враждебность, автономность или непоследовательность в сочетании с более низким уровнем позитивного интереса к своему ребенку. При этом отношения мать-дочь характеризуются низким уровнем близости и более высоким уровнем критики и контроля со стороны родителя.

Выводы по сельской группе следующие. Средний сырой балл в целом по сельской группе по шкале позитивного интереса к ребенку составил 15,3 сырых балла, что соответствует двум стандартизированным баллам и низкому значению параметра. В благополучной группе средний показатель по шкале позитивного интереса к ребенку составил 16,1 сырых балла, что соответствует трем стандартизированным баллам и среднему значению параметра. В группе риска средний показатель по шкале позитивного интереса к ребенку составил 13,8 сырых балла, что соответствует двум стандартизированным баллам и низкому значению параметра.

Фактор близости, характеризующий степень принятия ребенка родителем, вычисляется как разница параметров POZ и NOS. Среднее значение фактора близости в группе риска составило 13,8 сырых баллов или три стандартизированных, что соответствует среднему значению параметра. Среднее значение фактора близости в благополучной группе составило 16,1 сырых или четыре стандартизированных балла, что соответствует высокому значению параметра.

Фактор критики, характеризующий контроль родителя за действиями ребенка вычисляется как разница параметров DIR и AUT. Среднее значение фактора критики по сельской группе составило восемь сырых балла, что соответствует четырем стандартизированным баллам или высокому значению параметра. Среднее значение фактора критики в группе риска составило 7,8 сырых или четыре стандартизированных балла, что соответствует высокому уровню параметра. Среднее значение фактора критики в благополучной группе составило 8,1 сырых или четыре стандартизированных балла, что соответствует высокому уровню параметра. Можно сделать вывод, что и в благополучной, и в группе риска сельские родители склонны к гиперконтролю в отношении девочек-подростков. И похоже, что этот показатель не оказывает влияния на представления девочек-подростков о материнстве.

Связи между повышенными значениями параметров директивности, враждебности, автономности, непоследовательности и негативным представлением о материнстве в сельской группе не обнаружено.

Подводя итог можно говорить о том, что сельские родители в целом характеризуются более позитивным отношением к детям и более высоким уровнем их принятия. В группе риска и в городе, и в селе позитивное отношение к своим детям ниже, чем в благополучной группе. Кроме этого, сельские родители более склонны к гиперконтролю. Причем в благополучной группе этот показатель даже выше, чем в группе риска. Также в сельской группе связи между параметрами непоследовательность, директивность, враждебность, автономность и негативным отношением к материнству не обнаружено.

Значительный вклад в исследование темы удалось сделать при применении методики незаконченных предложений Сакс-Леви.

В таблицах 7-8 представлены результаты применения методики незаконченных предложений Сакс-Леви в городской и сельской группе.

Таблица 7 Результаты в городской группе девочек-подростков

Номер респондентки в группе	Отношение к матери	Отношение к отцу	Отношение к противоположному полу	Отношение к себе	Отношение к прошлому	Отношение к будущему	Отношение к возможностям	Отношение к семье	Отношение к личной жизни	Отношение к страхам
1	0	+	0	+	0	+	+	0	+	0
2	+	0	-	-	0	+	+	+	+	+
3	+	0	0	0	0	+	+	+	-	-
4	-	0	0	-	0	+	+	-	0	-
5	+	-	-	0	0	+	+	0	0	-
6	0	+	-	+	0	0	+	+	0	+
7	+	0	0	+	-	+	0	+	0	-
8	+	0	-	-	0	+	+	+	+	+
9	0	0	-	0	0	+	+	+	0	0
10	0	+	0	0	0	+	+	0	0	+
11	+	0	0	0	0	+	0	0	+	-
12	+	0	0	+	0	+	0	+	0	-
13	0	-	0	+	-	+	0	0	0	0
14	0	+	-	0	+	+	+	0	0	0
15	+	0	0	0	+	-	0	0	+	0

Таблица 8 Результаты в сельской группе девочек-подростков

Номер респондентки в группе	Отношение к матери	Отношение к отцу	Отношение к противоположному полу	Отношение к себе	Отношение к прошлому	Отношение к будущему	Отношение к возможностям	Отношение к семье	Отношение к личной жизни	Отношение к страхам
1	0	0	-	+	+	+	+	0	0	0
2	0	0	+	0	0	-	0	+	+	-
3	+	+	-	+	-	+	+	+	0	-
4	+	+	0	0	+	+	+	-	0	-
5	+	+	0	0	+	+	+	0	+	-
6	0	+	-	+	0	+	+	+	0	+
7	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-
8	+	+	0	0	+	+	+	+	+	+
9	+	+	0	-	0	+	+	0	+	-
10	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0
11	+	+	0	+	+	+	+	+	+	+
12	+	+	0	+	0	+	+	+	+	0
13	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
14	+	+	0	+	0	+	+	+	+	-
15	+	0	0	0	0	+	0	0	+	0

Результаты исследования девочек-подростков с помощью методики незаконченных предложений Сакс-Леви следующие. И сельские и городские девочки-подростки в основном позитивно оценивают свои возможности и свое будущее. Респондентки также достаточно позитивно относятся к родителям: среди городских девочек-подростков преобладает нейтральное отношение к матери и отцу, а среди сельских преобладает позитивное отношение к родителям. Это же касается отношения к семье, оно достаточно позитивно: в городе преобладает нейтральная оценка, в селе позитивная. Из этого можно сделать вывод, что сельские девочки-подростки чуть лучше относятся к родителям и семье, чем городские. Отношение к противоположному полу чаще нейтральное и в селе, и в городе.

В группе риска в городе, выделялась категория «отношение к себе», здесь встречались оценки ноль или минус. В то время как в благополучной группе в категории «отношение к себе» довольно часто встречалась также оценка плюс. Также выделялась категория «Страхи», в группе риска здесь встречались только оценки ноль или минус. В благополучной группе в категории «страхи» также часто встречались оценки ноль и плюс. Категория «отношение к личной жизни» в группе риска оценивалась как минус или ноль, в то время как в благополучной группе плюс или ноль.

В сельской группе риска девочек-подростков отношение к себе чаще нейтральное в то время, как в благополучной группе чаще положительное. В категории «Страхи» в группе риска здесь встречались чаще негативные оценки или ноль. В благополучной группе в категории «страхи» также часто встречались оценки ноль и плюс. Категория «отношение к личной жизни» в группе риска оценивалась чаще, как ноль, в то время как в благополучной группе чаще встречалась положительная оценка.

Подводя итог можно сказать, что и сельские и городские девочки-подростки из группы риска имели нейтральное или негативное отношение к следующим категориям «отношение к себе», «отношение к страхам», «отношение к личной жизни», «отношение к семье».

Нами разработаны методические рекомендации по работе с девочками-подростками по проблемам будущего материнства и его роли. Рекомендации предназначены для педагогов и педагогов-психологов, сотрудников «Центров по работе с подростками», проводящих занятия на данные темы. При составлении и проведении программ обучения и коррекции мы рекомендуем:

- акцентировать позитивную роль 3 и более детей в родительской семье для развития и благополучия девочки-подростка. Особое внимание уделять детям и подросткам из однопородных семей;

- помочь получить или углубить опыт нянчения в рамках психологических программ и закрепить позитивный опыт взаимодействия с маленькими детьми. Особое внимание уделить девочкам-подросткам, не имеющим возможности нянчиться с кем-либо в обычной жизни;

- обратить внимание на коррекцию материнско-дочерних отношений, создание и углубление доверия и близости между матерями и дочерьми;

- ориентировать программы на исследование и улучшение самопринятия собственной женственности у девочек, девочек-подростков;

- акцентировать внимание на таких ценностях как: любовь, личные отношения, счастливая семейная жизнь.

Важна разработка специальных психологических программ для подрастающих девочек и девушек, которые учитывают этапы развития онтогенеза материнской сферы. Актуальность и своевременность данной темы подчеркивает введение в школьную программу с 2024 года курса «Семьеведение».

Выводы по итогам второй главы можно сделать следующие:

В ходе исследования были сформированы 2 группы участниц сельская и городская, идентичные по возрасту респонденток. В результате эмпирического исследования были подобраны соответствующие возрасту респонденток и теме исследования методы и метододики: метод незаконченных предложений Сакс-Леви, полоролевой опросник Сары Бем BSRI, методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича и

опросник подростки о родителях ПОР/ADOR. Специально для проведения данного исследования был разработан план психодиагностической управляемой беседы для всестороннего изучения представлений о будущем материнстве у девочек-подростков. План включил в себя 6 пунктов: планы на будущее, связанные с материнством; современный взгляд на материнство через средства массовой информации, смысловое поле понятия материнство; семейный опыт материнства; история рождения и воспитания девочки-подростка; личное отношение девочки-подростка к маленьким детям и беременным женщинам.

В соответствии с задачами исследования после структурированной беседы удалось выявить представления о материнстве у современных девочек-подростков. После проведения беседы всех респонденток по этому признаку стало возможным разделить на 2 группы:

- благополучная группа (позитивные представления о материнстве);
- группа риска (негативные представления о материнстве).

В группу риска были отнесены участницы не планировавшие становиться матерями в будущем совсем или желающие только одного ребенка. По итогам беседы оказалось, что эти респондентки чаще являются единственным ребенком в семье, не имеют опыта нянченья с малышами и дают негативные характеристики маленьким детям.

Дальнейшее исследование, в соответствии с поставленными задачами, сконцентрировалось на анализе выявленных представлений о будущем материнстве и описании условий, повлиявших на формирование данных представлений с помощью упомянутых выше методов и методик.

По результатам применения методики изучения ценностных ориентаций М. Рокича были найдены следующие отличия в средних рангах ценностей по группам: средний ранг по группе риска ценностей «Любовь» (13) и «Счастливая семейная жизнь» (11,2), средний ранг по благополучной группе ценностей «Любовь» (6,3), «Счастливая семейная жизнь» (7,25). Эти данные показывают, что у девушек из группы риска наблюдалась тенденция помещать

ценности «любовь» и «счастливая семейная жизнь» среди отвергаемых в конце списка, в отличие от девушек из благополучной группы

Интересные особенности показало применение полоролевого опросника Сары Бем BSRI. В группе риска: 80% респонденток относились к андрогинному типу, 20% к маскулинному и 0% к феминному типу полоролевой самоидентификации. В благополучной группе: 12% респонденток относились к феминному типу, 4% к маскулинному, 84% к андрогинному типу. Следует подчеркнуть, что в группе риска присутствовали респондентки только маскулинным и андрогинным типом, девушек с феминным типом в этой группе не оказалось.

Опросник подростки о родителях ПОР/ADOR также внес существенный вклад в установление факторов, влияющих на негативные представления о материнстве у девочек-подростков. Среднее значение шкалы позитивного отношения к ребенку POZ в группе риска равно 2 стандартизированным баллам (низкое значение), в то время как среднее значение POZ в благополучной группе равно 3 стандартизированных балла (среднее значение). Среднее значение фактора близости POZ/HOS в группе риска составило 2 стандартизированных балла, (низкое значение). Среднее значение POZ/HOS в благополучной группе составило 3 стандартизированных балла (среднее значение). Можно сделать вывод, что в группе риска и в городской, и в сельской местности позитивное отношение матерей к своим дочерям ниже, чем в благополучной группе.

По результатам применения методики незаконченных предложений Сакс-Леви можно добавить, что респондентки из группы риска имели следующие среднеарифметические значения по группе по отношению к таким сферам как: к личной жизни (0), к семье (-0,2), к себе (-0,6). В благополучной группе среднеарифметические значения по группе составили: к личной жизни (0,64), к семье (0,72), к себе (0,6). Подводя итог можно сказать, что в группе риска отношение к таким сферам как личная жизнь, семья, самопринятие хуже, чем в благополучной группе.

После анализа результатов эмпирического исследования были разработаны методические рекомендации для педагогов и педагогов-психологов, сотрудников «Центров по работе с подростками» по коррекции негативных представлений о материнстве у современных девочек-подростков.

Нами была выдвинута гипотеза, что отношения с мамой девочки-подростка играют важную роль при формировании представлений о материнстве. Гипотеза частично подтвердилась. Кроме этого, важным также оказалось наличие в семье девочки-подростка сиблингов или других совместно проживающих детей, а также наличие опыта нянчения в чувствительный период с 6 до 10 лет.

Заключение

По итогам работы можно отметить, что материнство – это понятие комплексное и абстрактное. Оно находится на стыке изучения многих дисциплин. В психологии суть материнства раскрывается в психоаналитическом, культурно-историческом, архетипическом, феноменологическом, диадическом и психотерапевтическом подходах. Представления о материнстве у девочек-подростков формируются длительно при общении с матерью, родственниками и сверстниками и малышами, при просмотре контента в интернете. Сформированное к подростковому возрасту представление о материнстве может быть позитивным или негативным.

В данной работе респондентки принадлежат к раннему подростковому возрасту 10-14 лет. В этот период происходит телесное созревание девочки-подростка, завершается половая самоидентификация, активизируются сепарационные процессы в первую очередь от мамы. На фоне этого девочка-подросток критически пересматривает свое представление о материнстве и открывается возможность для его коррекции.

Спектр условий, влияющих на представление о материнстве у девочки-подростка очень широк: объемное коллективное бессознательное, трансгенерационные процессы в семье подростка, а также история ее рождения и развития.

Коллективное бессознательное вбирает в себя архетипические представления о материнстве, исторические изменения рамок нормы материнского поведения, в том числе современные тенденции в обществе (чайлдфри, сексуальные меньшинства, возможность смены пола). Трансгенерационные процессы в семье девочки-подростка сложны для изучения. Они включают в себя наследственную передачу семейного опыта материнства. История рождения и развития девочки-подростка анализировалась согласно выделенным Г.Г. Филипповой этапам формирования потребностно-мотивационной материнской сферы: начиная от

собственного младенчества, взаимодействия с матерью, игры в куклы со сверстниками, нянчения с малышами и наконец заканчивая подростковой дифференциацией материнской и половой сфер.

Чтобы реализовать поставленные задачи исследования и проверить гипотезу, что отношения с мамой девочки-подростка играет решающую роль при формировании представлений о материнстве, было проведено эмпирическое исследование. Были сформированы 2 идентичные по возрасту группы участниц сельская и городская. Разработан план психодиагностической управляемой беседы для всестороннего изучения представлений о будущем материнстве у девочек-подростков. В результате беседы респонденток стало возможным разделить на 2 группы:

- благополучная группа (позитивные представления о материнстве);
- группа риска (негативные представления о материнстве).

Оказалось, что респондентки из группы риска, обнаруженные и в сельской и в городской совокупности, чаще являются единственным ребенком в семье, не имеют опыта нянчения с малышами и дают негативные характеристики маленьким детям.

Для дальнейшего изучения различий в представлениях о материнстве у девочек подростков из разных групп были подобраны соответствующие возрасту респонденток и теме исследования методы и методики: полоролевой опросник Сары Бем BSRI, метод незаконченных предложений Сакс-Леви, методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича и опросник подростки о родителях POP/ADOR.

По результатам применения методики изучения ценностных ориентаций М. Рокича у девочек-подростков из группы риска наблюдалась тенденция помещать ценности «любовь» и «счастливая семейная жизнь» в конце списка, среди отвергаемых. Это иллюстрируют отличия в средних рангах ценностей по группам. Средний ранг по благополучной группе ценностей «Любовь» (6,3), «Счастливая семейная жизнь» (7,25). По группе риска: «Любовь» (13) и «Счастливая семейная жизнь» (11,2).

Интересные особенности респонденток из группы риска показало применение опросника Сары Бем BSRI. Здесь присутствовали девочки-подростки только с не феминным типом полоролевой ориентации, что может говорить о слабом принятии собственной женственности. В группе риска: 80% респонденток относились к андрогинному типу, 20% к маскулинному и 0% к феминному типу полоролевой самоидентификации. В благополучной группе: 12% респонденток относились к феминному типу, 4% к маскулинному, 84% к андрогинному типу.

Применение опросника подростки о родителях POP/ADOR в группе риска и в селе, и в городе привело к следующим выводам: позитивное отношение к своим детям ниже, чем в благополучной группе. Шкала позитивного отношения к ребенку POZ и фактор близости POZ/HOS имеют низкие значения. Среднее значение шкалы позитивного отношения к ребенку POZ и фактора близости POZ/HOS в группе риска равно 2 стандартизированным баллам (низкое значение), в то время как среднее значение POZ и POZ/HOS в благополучной группе равно 3 стандартизированных балла (среднее значение).

Отношения к себе, к личной жизни, к семье, выявленные с помощью методики незаконченных предложений Сакс-Леви у девочек из группы риска хуже, чем в благополучной группе. Можно констатировать, что респондентки из группы риска имели следующие среднеарифметические значения по группе по отношению к таким сферам как: к личной жизни (0), к семье (-0,2), к себе (-0,6). В благополучной группе среднеарифметические значения по группе составили: к личной жизни (0,64), к семье (0,72), к себе (0,6).

Подводя итог можно сказать, что гипотеза, что отношения с мамой играют ведущую роль в формировании представлений о материнстве, частично подтвердилась. Кроме отношений с матерью как ведущего условия формирования позитивного представления о материнстве важными также оказались семейные условия воспитания девочки-подростка. Например, однозначным негативным условием можно выделить – отсутствие совместно

проживающих братьев или сестер в семье девушки (однодетная семья). Также значительное влияние несет наличие опыта нянченья у девочки-подростка. Его отсутствие в чувствительный период с шести до десяти лет вероятно приводит к формированию негативного представления о маленьких детях, что отражалось в беседе в виде формулирования негативных характеристик маленьких детей.

Перед государством, как законодателем в сфере отношения к материнству у следующего поколения, стоит задача формирования позитивного отношения у будущего поколения к продолжению рода, создания привлекательного образа матери и оказания поддержки семьям с детьми.

Для содействия этому были разработаны методические рекомендации для педагогов и педагогов-психологов, сотрудников «Центров по работе с подростками» по коррекции негативных представлений о материнстве у современных девочек-подростков. Данные рекомендации могут так же использоваться специалистами средних и высших учебных заведений.

Девочка-подросток, как будущая мать, требует заботливого и чуткого отношения со стороны родителей и родственников, а также педагогов, социальных работников и психологов, контактирующих с ребенком.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авдеева Н.Н., Ганошенко Н.И. Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития последующих взаимоотношений матери и ребенка // Вопросы психологии. 1997. №1. С. 3-13.
2. Алишев Б.С. Понятие представление в современной психологии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. №6.
3. Безносюк Е.В., Князева М.Л. Психопатология современной культуры. Психотерапия, 2003. 8 с. URL: http://svitk.ru/004_book_book/13b/2846_beznosyuk-pshopatologiya.php?ysclid=llywsgmhyx115247927 (дата обращения: 2.08.2023).
4. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей: Руководство практического психолога / Пер. с англ. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2014. 271 с.
5. Бриш К.Х. Биндунг-психотерапия. Дошкольный возраст / Пер. с нем. М.: Теревинф, 2019. 192 с.
6. Бриш К.Х. Теория привязанности и воспитание счастливых людей / Пер. с нем. М.: Теревинф, 2017. 208 с.
7. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности: от теории к практике / Пер. с нем. М.: Когито-Центр, 2014. 316 с.
8. Брутман В.И., Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. №3. С. 79-87.
9. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. М.: Когито-Центр, 2012. 182 с.
10. Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применению. СПб.: Питер, 2001. 65 с.
11. Винникотт Д.В. Маленькие дети и их матери. М.: «Класс», 1998. 78 с.

12. Винникотт Д.В. Ребёнок, семья и внешний мир / Пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 256 с.
13. Гуменюк Е.Г. Акушерство. Физиология беременности: учебное пособие. Петрозаводск: ИнтелТек, 2004. 173 с.
14. Дмитриева Н. Дочки-матери. Любовь – ненависть. М.: «Вариант», 2019. 392 с.
15. Добряков И.В., Лазарева И.П. Здоровые роды – счастливый малыш. СПб.: ИК «Комплект», 1998. 162 с.
16. Жуйкова М.В. Межпоколенческая передача девиантного материнского поведения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2017. №5-6. С. 38-43.
17. Захаров А.И. Психотерапия неврозов у детей и подростков. СПб.: Союз, 1998. 145 с.
18. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Миссия – счастливая женщина. М.: Времена, 2021. 352 с.
19. Козлов В.В., Фетискин Н.П. Трудные дети. М.: Институт консультирования и системных решений, 2018. 544 с.
20. Колесникова В.И. Материнский комплекс: роль и значение в процессе личностного развития (юнгианский подход) // Учёные записки крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2015. №4. С. 172-181.
21. Леонова М.В. Факторы, влияющие на отношение к материнству современных девочек-подростков // Молодой ученый. февраль 2024. № 5. С. 120-124.
22. Малер М.С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2011. 413 с.
23. Малькова И.Н., Жедунова Л.Г. Трансляция семейного опыта как фактор формирования материнского отношения // Ярославский педагогический вестник. 2011. №3. С. 223-227.

24. Малькова И.Н. Семейная история как фактор формирования материнского отношения: дис. канд. психол. наук: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» Ярославль, 2014. 152 с.
25. Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители. Практическое руководство. М.: «Институт психологии РАН», 2013. 219 с.
26. Мещерякова С.Ю. Путь к материнству начинается с младенчества // Дошкольное воспитание. 2002. №11. С. 81-88.
27. Мясищев В.Н. Психология отношений. Избранные психологические труды. М.: Модэк МПСИ, 2004. 157 с.
28. Никитюк Б.А. Морфология человека: учебное пособие для биологических специальностей вузов. М.: Изд-во МГУ, 1990. 342 с.
29. Понькина Е.С. Психофизиологическое исследование отдалённых последствий эмоционального общения матери с ребенком: дис. канд. психол. наук: специальность 19.00.02 «Психофизиология» Уфа, 2000. 153 с.
30. Рокич М. Ценностные ориентации. СПб.: Времена, 2015. 704 с.
31. Румянцев Г.Г. Опыт применения метода «незаконченных предложений» в психиатрической практике // Исследования личности в клинике и в экстремальных условиях. 1969. С. 266-275.
32. Скоромная Ю.Е. Субъективная готовность к материнству как психологический феномен: дис. канд. психол. наук: специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» Москва, 2006. 217 с.
33. Сорокина Е.Н. Коучинг материнской сферы женщины-матери актуального времени: дис. канд. психол. наук: специальность 19.00.01 «Общая психология» Ярославль, 2021. 793 с.
34. Сорокина Е.Н. Материнский миф «нашей части света»: ретроспективный анализ // Обзор педагогических исследований. 2021. №2. С. 32-41.

35. Стрип П. Нелюбимая дочь. Как оставить в прошлом травматичные отношения с матерью и начать новую жизнь / Пер. с англ. М.: Альпина Нон-фикшн, 2019. 326 с.
36. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2019. 498 с.
37. Ткачева Ю.Г. Формирование готовности к материнству у студенток в системе высшего образования: результаты исследования // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т 11. №5. С. 115-127.
38. Уайнхолд Б.К., Уайнхолд Дж.Б. Бегство от близости. Избавление ваших отношений от контрзависимости – другой стороны созависимости / Пер. с англ. СПб.: ИГ «Весь», 2014. 528 с.
39. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости / Пер. с англ. М.: «Класс», 2019. 364 с.
40. Уэллдон Э.В. Мать. Мадонна. Блудница. Идеализация и обесценивание материнства. М.: «Перо», 2016. 207 с.
41. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учебное пособие для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2023. 212 с.
42. Форвард С., Фрейзер Г.Д. Безразличные матери. Исцеление от ран родительской нелюбви. СПб.: Питер, 2020. 320 с.
43. Харламенкова Н.Е., Кумыкова Е.В., Рубченко А.К. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 367 с.
44. Хеллингер Б. Порядки любви: как жизнь и любовь удаются вместе. М.: Институт консультирования и системных решений, 2013. 360 с.
45. Хорунжий И.И. Смыслоразножизненные ориентации молодежи // Мир психологии. 2014. №4. С. 85-89.
46. Черняева Н. Производство матерей в Советской России: учебники по уходу за детьми в эпоху индустриализации // Гендерные исследования. 2004. №12. С. 120-138.

47. Шадрина А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 392 с.
48. Швецова А.В. Современные исследования материнства: о чем (не) говорят тренды? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. №3. С. 104-113.
49. Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Психотерапия, 2019. 254 с.
50. Щербатых Ю.В. Общая психология. СПб.: Питер, 2008. 272 с.
51. Эльконин Б.Д. Детская психология / под ред. Б.Д. Эльконина. Москва: Академия, 2007. 38 с.
52. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / Пер. с нем. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
53. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы / Пер. с нем. М.: Академический проект, 2015. 328 с.
54. Юферева Т.И. Формирование психологического пола. Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту. М.: Педагогика, 1987. 182 с.
55. Bem S.L. The measurement of psychological androgyny // J. of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. №2. P. 155-162.
56. Bornstein M.H., Suwalsky J.T., Breakstone D.A. Emotional relationships between mothers and infants: knowns, unknowns, and unknown unknowns // Development and psychopathology. 2012. Vol. 24. №1. P. 113-23.
57. Carlbäck H. Lone Motherhood in Soviet Russia in the Mid-20th Century – In a European context // And They Lived Happily Ever After: Norms and Every Day Practices of Family and Partnership in Russia and Central Europe. New York: Central European University Press, 2012. p. 25-46.
58. Gradskova Y. Soviet People with Female Bodies: Performing Beauty & Maternity in Soviet Russia in the Mid 1930-1960s // Sodertorn University

College, Centre for Baltic and East European Studies. Stockholm: Stockholm University Press, 2007. 347 p.

59. Kelly C. *Children's World: Growing up in Russia, 1890-1991*. London: Yale University Press, 2007. 714 p.

60. Raphael-Leff J., Trevarthen C., Klaus M. *Psychological processes of childbearing*. London: Routledge, 1991. 663 p.

61. Shereshefsky P.M., Yarrow L.J. *Psychological aspects of a first pregnancy and early postnatal adaptation*. Raven Press Publ, 1973. 465 p.

Приложение А

Согласие родителей на участие в исследовании

**Согласие родителей (законных представителей)
на участие в психологической исследовательской работе**

Я _____
(*ФИО родителя (законного представителя)*)
являясь родителем (законным представителем)

_____ (*ФИО ребенка*)
даю согласие на ее участие в психологической исследовательской работе «Изучение представления о материнстве у современных девочек-подростков», проводимой Леоновой Марина Васильевной, студенткой магистратуры Психология здоровья, Тольяттинского государственного университета, Гуманитарно-педагогического института, Кафедры педагогики и психологии.

Участие в психологической исследовательской работе «Изучение представлений о будущем материнстве у современных девочек подростков» включает в себя: психологическую диагностику (беседу и прохождение 4-х стандартизированных психологических тестов) и при необходимости консультирование родителей, индивидуальные занятия с ребенком.

Дата _____

Подпись _____

Приложение Б

План структурированной беседы

1) Планы на будущее, связанные с материнством.

Давайте пофантазируем, как вы представляете себя и свою семью в будущем через 20-30 лет?

2) Средства массовой информации (телевидение, интернет, пресса), как фактор влияния на отношение к материнству.

Как вы полагаете, что думают по поводу семьи и детей симпатичные вам знаменитости, участники групп, сообществ и блогов, на которые вы подписаны, авторы видеороликов, статей? Бывало ли так, что вас что-то удивляло, смущало в телевизоре, в печати или в интернете? На какую тему была информация? В жизни или в средствах массовой информации вы встречали что-то отличное от семейных ценностей? Как вы к этому относитесь?

3) Смысловое поле понятия материнство для респондента.

В чем вы видите смысл материнства? Какие крылатые выражения или устойчивые фразы часто используются в вашей семье на тему детства и материнства? Какой должна быть хорошая мать? Перечислите 5 важных качеств.

4) Семейный опыт материнства (мать, бабушки, тети). Взаимоотношения между поколениями женщин в роду.

Если говорить об истории материнства в вашей семье, каковы сильные материнские качества у женщин (мама, бабушки, тети, прабабушки)? Что вы можете выделить как особенности или сложные моменты материнства у женщин в вашей семье? На сколько баллов по 10 бальной шкале вы оцениваете физическую заботу о детях в вашем роду (покормить, одеть) и эмоциональную заботу (выслушать, утешить, пожалеть)? Как складываются отношения между разными поколениями женщин в вашей семье? Скорее позитивно или негативно?

5) Личная история рождения, младенчества и детства.

Что вы знаете о своем рождении и младенчестве (роды, грудное вскармливание)? Какие игрушки были вашими любимыми в возрасте от 3 до 5 лет? Как часто и с кем вы играли в куклы? Нянчились ли вы с младшими родственниками? В каком возрасте? С удовольствием?

6) Отношение к маленьким детям, младенцам и беременным женщинам.

Когда вы видите беременную женщину или с младенцем что вы чувствуете? Если бы вам сегодня предложили побыть няней у младенца на несколько часов, вы бы согласились? Почему? У ребенка 3 лет? Подберите 5 прилагательных характеризующих маленьких детей.